

Древне-кіевскій говоръ.

I.

Въ I выпускѣ «Ізвѣстій» за 1905 годъ г. Соболевскій выступилъ со статьей: «Древне-кіевскій говоръ» (стр. 308—323), въ которой онъ старается увѣрить читателей, будто древне-кіевскій говоръ ближе стоялъ къ великорусскимъ, чѣмъ къ малорусскимъ.

Я имѣю въ виду остановиться только на нѣкоторыхъ, именно—на болѣе новыхъ, частяхъ этой статьи, а не на всей, и на то есть причины. Оспаривать статью г. Соболевскаго въ цѣломъ была бы работа совершенно излишняя, совершенно ненужная и совершенно бесполезная, потому что г. Соболевскій почти сплошь повторяетъ въ ней все тѣ же соображенія, которыя онъ выставилъ 20 лѣтъ тому назадъ. Неосновательность всѣхъ тогда имъ выставленныхъ соображеній была ужъ всесторонне обнаружена и выдающимися историками и филологами, причемъ среди именъ филологовъ, отвергшихъ мысль г. Соболевскаго, можно назвать два такихъ глубоко-авторитетныхъ имени въ дѣлѣ изученія славянорусской филологии, какъ акад. Шахматовъ и акад. Ягичъ (патріархъ-глава всѣхъ современныхъ славяновѣдовъ). Г. Соболевскій, повторяя теперь въ «Ізвѣстіяхъ» свои старые, ясно опровергнутыя наукой, соображенія, не только не постарался опровергнуть сперва доводы своихъ обличителей,—уче-

ныхъ, авторитетныхъ историковъ и филологовъ;—но напротивъ: онъ вновь повторяетъ все тѣ же старыя свои соображенія съ такимъ видомъ, какъ будто и не знаетъ, что они давно опровергнуты. Вотъ почему нѣтъ необходимости вторично ихъ осправливать: лучше прямо отослать читателя къ литературѣ предмета¹⁾.

Замѣчу развѣ, что г. Соболевскій по прежнему предлагаетъ изучать старо-кіевский говоръ не по подлиннымъ кіевскимъ памятникамъ, а по такимъ недостовѣрнымъ, какъ Мстиславова грамота ок. 1130 г., которую въ другомъ случаѣ самъ же г. Соболевскій признавалъ за «несомнѣнно писанную *въ Новгородѣ*²⁾», или какъ Юрьевское Евангеліе, написанное *въ Новгородѣ* между 1119—1128 г. монахомъ *Новгородскою* Юрьевскаго монастыря для монастырскаго употребленія, или какъ Тріодь *новгородца* Моисея Кіянина XII—XIII в., полная явныхъ особенностей мѣстнаго *новгородскаго* нарѣчія, и т. п., и т. п. Включивши такую Тріодь новгородца Моисея Кіянина въ число кіевскихъ памятниковъ, г. Соболевскій нарушилъ въ данномъ случаѣ даже свое собственное правило: «Для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ могутъ служить тѣ рукописи XII—XIII вѣка, которые не имѣютъ въ своемъ правописаніи *ни новгородскихъ, ни галицко-волынскихъ особенностей*³⁾.» Впрочемъ и самое правило возбуждаетъ недоумѣнія: въ силу того шаткаго привѣциза, который выставленъ здѣсь г. Соболевскій, предстаиваетъ искать кіевскія черты въ памятникахъ бѣлорусскихъ, суздальскихъ, рязанскихъ, московскихъ, а затѣмъ, на основаніи ихъ, утверждать, что старо-кіевскій говоръ быль не малорусскій!

Правда, г. Соболевскій въ «Ізвѣстіяхъ» касается и подлин-

1) Она указана у Пыпина въ соответствующемъ отдѣлѣ его «Історіи русской литературы». Въ своей «Филологіи и Погодинской гипотезѣ» (Кievъ, 1904, т. I) я тоже далъ обзоръ главнѣйшихъ работъ по этому вопросу.

2) А. Соболевскій: Исследованія въ области русской грамматики (Варш. 1881), стр. 4.

3) Журн. Мин. Нар. Пром. 1885, февр., стр. 356.

ныхъ старо-кіевскихъ памятниковъ, каковы Изборники Свято-слава 1073 и 1076 г.; но въ этомъ случаѣ онъ скрываеть ихъ наиболѣе оригинальныя, типично-малорусскія особенности (сюда относится смѣшеніе Ѳ съ І, параллельное со смѣшеніемъ прежняго и съ Ѹ) ¹⁾), а вмѣсто того онъ останавливается лишь на одной менѣе характерной ихъ особенности, причемъ голословно, мимоходомъ, пытается отвергнуть ея малорусскость, не называя даже именъ тѣхъ ученыхъ изслѣдователей, которые эту особенность указали какъ малоруссизмъ. Такою особенностью является смѣшеніе ѧ съ ў; по ея поводу г. Соболевскій заявляетъ небрежно, даже не въ текстѣ, а въ петитной сноскѣ: «Видѣть замѣну ў черезъ в и наоборотъ въ такихъ обычныхъ ц.-слав. словахъ, какъ въгодынъ, уселеная, уселити,—можно только при незнакомствѣ съ церк.-слав. языкомъ» (стр. 317). Это пренебрежительно произнесенное обвиненіе въ незнакомствѣ съ церковно-славянскимъ языкомъ направлено противъ кого же?— противъ акад. Ламанского ²⁾, противъ акад. Срезневскаго ³⁾ и

1) Само по себѣ смѣшеніе звука Ѳ съ І не есть исключительно малорусская черта (въ Новгородѣ тоже было такое смѣшеніе, и въ новгородскихъ рукописяхъ смѣшиваются буквы Ѳ и и); но для кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года характерно то, что смѣшеніе звука Ѳ съ І (т. е. буква Ѳ и и) проявляется въ нихъ параллельно со смѣшеніемъ и съ Ѹ. Вѣдь ясно, что, какъ-только предки малоруссовъ начали смѣшивать звукъ Ѳ съ І, то звукъ и одновременно долженъ быть у нихъ звучать потверже, чтобы отличаться отъ І, а не быть съ нимъ тождествену. Предположить же, что звуки Ѳ и и могли въ какой-нибудь периодъ оказаться у малоруссовъ тождественны, нельзя потому, что въ такомъ случаѣ послѣ XIV-го вѣка, когда у малоруссовъ звуки и и окончательно слились въ одинъ твердый звукъ, тогда старинный звукъ Ѳ тоже долженъ былъ бы обратиться въ такой же твердый звукъ, и малоруссы теперь говорили бы не «айто» (=айто), а «ыхто». Вотъ почему, если писцомъ какой-нибудь рукописи, смѣшивающей букву Ѳ съ и, мы предполагаемъ малорусса, то мы естественно можемъ ждать, что гдѣ-нибудь этотъ писецъ смѣшаетъ также буквы и и Ѹ. Кіевскіе Изборники Святослава 1073 и 1076 года какъ-разъ принадлежать къ памятникамъ такого типа.

2) В. Ламанский: О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ съ филологическими и историческими примѣчаніями, Спб. 1864, стр. 92 (=Приложение къ VI тому «Записокъ Императорской Акад. Наукъ»).

3) И. Срезневскій: Славяно-русская палеографія, Спб. 1885, стр. 115.

противъ акад. Ягича¹⁾), т. е. какъ-разъ противъ главныхъ столповъ славяновѣдѣнія! Такой способъ г. Соболевскаго отвергать нежелательное ему утвержденіе можетъ ли считаться опроверженіемъ?—отвѣтъ на это легко дасть даже малоосвѣдомленный читатель. А болѣе освѣдомленный вспомнить, что провозглашеніе г. Соболевскимъ за неবѣждъ славяновѣды-авторитеты признавали старо-кіевское «вѣгодьникъ» и «уселеная» за звуковое смѣщеніе съ «огодьникъ» и «вѣселеная» вовсе не по своему личному произволу и не по незнакомству съ церк.-славянскимъ языкомъ, но напротивъ — въ силу чрезвычайно близкаю своего знакомства съ церк.-слав. языкомъ. Они, разумѣется, очень и очень хорошо знали, что написаніе «вѣгодьникъ» и «уселеная» встрѣчается наряду съ «огодьникъ» и «вѣселеная» не только въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава, но и въ церковно-славянскихъ памятникахъ; — однако почему они не могли отнестись къ нему иначе, какъ къ результату смѣщенія *əz* и *y*? Да потому, что и въ церк.-славянскихъ памятникахъ вообще констатируются случаи несомнѣнного смѣщенія звуковъ *əz* и *y*, такого же, какое было и у старыхъ кіевлянъ-малоруссовъ. Тѣмъ авторитетнымъ славяновѣдамъ, которыхъ свысока третируютъ г. Соболевскій, были очень хорошо известны написанія «вѣгодьникъ» и «уселеная» напримѣръ въ Супрасльской рукописи,—известны значительно раньше, чѣмъ ихъ узналъ г. Соболевскій²⁾; но они знали также, что въ Супрасльской рукописи есть и написаніе «огостатъки (321¹⁵), а потому понимали, что Супрасльское «вѣгодьникъ» есть результатъ звукового смѣщенія *əz* и *y*³⁾. Оттого встрѣ-

1) И. Ягичъ: Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, Спб. 1889, стр. 84 (изъ «Сборн. Акад. Н.»).

2) Срв. у В. Ламанскаго: О слав. рукоп., стр. 92 (1864 г.).

3) По этой же причинѣ и многіе другіе очень заслуженные слависты приходили къ такому же заключенію. Такъ, и А. Будиловичъ призналъ формы «уселеная» и «огодьникъ» за результатъ звукового смѣщенія *ə* и *y* («Изслѣд. языка XIII словъ Григ. Богослова по рукоп. XI вѣка», стр. 24), потому что въ томъ памятникѣ, который имъ изданъ, констатируются и другіе случаи смѣщенія *ə* и *əz* (Напр., на л. 143-мъ слова Пилата: «еже уписалъ есмь, *ə*пи-
сахъ, quod scripsi, scipisci).

чая аналогичная написанія въ киевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., чередующіяся рядомъ въ двухъ соѣдніхъ строкахъ, эти авторитетные славяновѣды не колебались видѣть въ нихъ проявленіе того самого звукового смѣшенія *e* и *u*, какое свойственно, между прочимъ, и малорусской рѣчи. И это — тѣмъ правильнѣе, что въ Изборникахъ Святослава эти славяновѣды несомнѣнно знали и другіе случаи проявляющейся наклонности смѣшивать звуки *ou* и *eъ*, — случаи, о которыхъ г. Соболевскій совсѣмъ умалчиваетъ¹⁾. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ г. Соболевскій своей постановкой вопроса о старо-киевскомъ смѣшеніи или несмѣшеніи звуковъ *e* и *u* извратилъ основную мысль тѣхъ изслѣдователей старо-киевского говора, которые за старо-киевскимъ говоромъ признавали такое смѣшеніе. Вѣдь главную и характерную черту малорусскости киевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 филологи видѣть вовсе не въ фактѣ смѣшенія звуковъ *e* и *u*: для нихъ это одна изъ побочныхъ малорусскихъ чертъ²⁾; главный же признакъ старокиевской малорусскости XI вѣка — это тотъ, о которомъ, какъ я выше отмѣтилъ, г. Соболевскій совершенно умалчиваетъ въ своей статьѣ. Этотъ признакъ, повторяю, есть смѣшеніе буквъ *ѣ* и *и* (т. е. звуковъ *ѣ* и *i*), одновременное со смѣшеніемъ *и* и *ы*. Упомянутая особенность есть тотъ шахіт спедіально-малорусской фонетики, какого мы смѣемъ ждать отъ малорусской рѣчи XI вѣка; и разъ она проявляется въ киевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., то надо признать,

1) Имя царя Навуходоносора является въ Изборнике 1078 г. то въ видѣ «Наѹходоносоря» (напр. л. 144), то тутъ же рядомъ въ видѣ «Наѹходоносорде» (л. 143 об., два раза; см. еще л. 97, л. 146). Можно указать подобное явленіе и въ иѣкоторыхъ другихъ начертаніяхъ этого Изборника. См. мою «Украинскую грамматику», § 19, г.

2) Про себя лично могу напомнить, что я называлъ эту черту въ старо-киевскомъ говорѣ даже лишь «зачаточной». См. «Филология и Погодинская гипотеза» (Кievъ 1904), стр. 60; «Украинская грамматика», § 18, г. Она и не могла быть иною, чѣмъ зачаточною, въ виду почти полной сохранности глухихъ звуковъ XI в.

ЧТО ЭТИ ПАМЯТНИКИ *спомнили* отразили тогдашнюю типичнейшую киевскую малорусскую XI вѣка¹⁾. Что касается самой важной

1) Отразились въ Изборникахъ Святослава, конечно, и другія черты тогдашней малорусской фонетики, но тѣ черты уже не такъ характерны, — хотя, разумѣется, въ своей совокупности они важны тѣмъ, что рельефѣ очерчиваются старо-киевскую малорусскость. Сверхъ оспариваемаго г. Соболевскимъ смѣшанія звуковъ *и* и *у*, стары кievляне знали растяженіе звука *е* въ я передъ мягкими слогами; — какъ нынѣшніе киевские малоруссы говорятъ: «кришаникъ», «сливо» и пр., такъ и въ Изборникѣ 1078 пишется: «какжаникъ» 262, «поямлються» 212, «Елисавѣть» 254 об. и пр. Замѣчалась у старыхъ кievлянъ XI вѣка наклонность къ усиленію корня зѣлъ въ зелѣ; нынѣшніе киевские малоруссы говорятъ «дозаити комусъ», дозаити комусъ» (=досаждать), «зомбъ» (=самый большой пушить раны, опухоли и т. п.), а въ Изборникѣ 1078 встрѣчаемъ: «зелоба» 94, 106, 118 и пр. Послѣ шипящихъ и йоты передъ твердыми слогами звукъ « обращался въ Киевѣ XI вѣка въ е; — какъ нынѣшніе киевские малоруссы говорятъ «чоловікъ», «жена», «з Майбова», такъ и киевскіе Изборники писали: «чоловѣкъ» (Изборн. 1073 г., л. 179 д), «жена» (Изборн. 1076 г., л. 181 б), «Васи-лиево», «Еуномиево» (Изб. 1073, л. 124 об., л. 243 об.). Неударное *о* по со-сѣдству съ *у* уподоблялось ему; — какъ теперь подъ Кіевомъ мы слышимъ «з добрую ліачину», такъ и въ Изборникѣ 1073 г. находимъ: «съ женою азыльною и коториую» (л. 170), «божьскою силуою» (л. 245), «умъною мыслю» (л. 182); по этому же закону неударный суффиксъ *ов* (или *юв*) обращался въ *уе* (или *юе*), какъ и теперь въ Кіевщинѣ: срв. въ Изб. 1073 г. «по Ариюву» (л. 243 об.); по тому же закону Августинъ обращенъ въ Изб. 1073 въ «Оугустина» (л. 127). Способность нынѣшней Кіевщины XX вѣка пропускать звукъ *г* въ глаголахъ «розгнівати», «згнити», «грішити» датируется и въ Святославовыхъ Изборникахъ XI вѣка, где мы находимъ: «разгніявъсь» (1073 г. л. 145 об., срв. еще л. 99), «изнієть» (Изб. 1076, л. 237), «състрѣшу» (л. 1 об., по чтенію Буслаева). Звукъ *г* киевской рѣчи XI в. могъ служить придыхательнымъ при-звукомъ, который способенъ быть опять отпадать и, по аналогии, увлекать за собою даже коренное начальное *г* и способенъ быть также чередоваться съ привузками *й* и *е* (см. мою «Украинскую грамматику», § 14, б). О чередованіи задненебныхъ *и* и *к* съ зубными *д* и *т*, типичною какъ для киевскаго нарѣчія XI в., такъ и для нынѣшняго нарѣчія Кіевщины, будеть у насъ рѣчь ниже (гл. III); сюда же относится и специально-малорусская лѣтописная форма имени «Дюрдій» выѣсто «Георгій». Въ строѣ губныхъ звуковъ мы по Изборникамъ Святослава уже видимъ въ Киевѣ XI вѣка нынѣшнее чередованіе звукосочетаній *мъ* и *енъ* и рядъ другихъ современныхъ киевско-малорусскихъ явлений (см. «Украинск. грамм.», § 18). Видимъ мы по киевскимъ Изборникамъ XI в. огромное совпаденіе съ фактами нынѣшней киевской рѣчи такъ же въ строѣ плавныхъ («Украинск. грамм.», § 11), включая сюда восточно-малорусское отвердѣніе звука *р* въ однихъ случаяхъ и умягченіе его въ другихъ случаяхъ, причемъ и Навхудоносоръ (какъ и теперь въ Кіевщинѣ) обращается по Изборникамъ Святослава въ «Наухудоносоря» (срв. Изб. 1073, л. 144). Можно бы

особенности нынѣшней малорусской рѣчи, а именно — замѣстительного удлиненія звуковъ *о* и *е* передъ слогами съ потерянными глухими и обращенія ихъ въ дифтонги или въ *и* (срв. *кінь*, *шіст*), то въ XI вѣкѣ этой малорусской черты еще быть не могло по той существенной причинѣ, что глухіе звуки *ч* и *ш* были тогда, какъ извѣстно, почти въ полной сохранности и еще не пали¹⁾; следовательно слова *конь* и *шесть* произносились тогда у кievлянъ, въ XI вѣкѣ, не съ удлиненными гласными звуками *о* и *е*, а съ обыкновенными, и искать намъ въ кievскихъ Святославовыхъ Изборникахъ XI вѣка какіе-нибудь признаки существования замѣстительной долготы, возникшей *позже* XI вѣка, было бы, по меньшей мѣрѣ, странно.

Сдѣлавши оговорку по поводу способа обращенія г. Соболевскаго съ кievскими Изборниками Святослава 1073 и 1076 г. я вновь долженъ заявить, что *всюхъ* тѣхъ старыхъ, избитыхъ приемовъ г. Соболевскаго, которыми онъ опять желалъ бы поддержать свою гипотезу о немалорусскости древняго Кieва, я разматривать здѣсь не буду, разъ они уже всецѣло опровер-

и еще указать здѣсь огромный рядъ звуковыхъ діалектическихъ совпаденій кievской рѣчи XI в. съ нынѣшней кievской, но по недостатку мѣста я отсылаю читателя къ своей «Украинской грамматикѣ», особенно къ главамъ III—IV («Очеркъ звуковой системы лѣтописнаго кievско-черниговско-переяславскаго нарѣчія XI вѣка»). Дополнительный материалъ ко всему этому, со множествомъ примѣровъ и со ссылками, см. у меня въ «Филології и Погодинской гипотезѣ», стр. 51—61, 68 и XV—XVI. Туда добавить можно тѣ печатные примѣры на употребленіе глагола «дозеляти» (внесенного, впрочемъ, и въ словарь Желевовскаго), которые можно прочитать, напр., въ кievскомъ юбилейномъ сборнике въ честь столѣтія Энеиды Котляревскаго (стр. 117) и въ кievскомъ журнале «Шершень» (1906, № 3, стр. 7). Повторяю однако, что все это черты *мелкія*, побочныя, не исключительно даже малорусскія; интересны они только въ своей совокупности, какъ иллюстрація совпаденія нынѣшней фонетики Кieвщины съ фонетикой XI вѣка.

1) Съ особой обстоятельностью эта сохранность глухихъ XI вѣка показана въ статьѣ Н. Волкова: «Къ исторіи русскаго языка» (Журн. Мин. Нар. Пром., 1894, янв., стр. 214—221). Изученіе ритмики «Слова о полку Игоревѣ», произведенное акад. Ф. Е. Коршемъ (лучшимъ авторитетомъ въ этой области), показываетъ, что даже въ концѣ XIII-го вѣка глухіе гласные вост.-мр. нарѣчій были еще очень сохранны, и лишь въ отдельныхъ случаяхъ ониуже пали.

гнуты многими солидными учеными. Въ нынѣшней статьѣ я имѣю въ виду одно: разсмотрѣть только тѣ соображенія г. Соболевскаго о мнимомъ великоруссизмѣ древнихъ киевлянъ, которыя онъ считаетъ возможнымъ почерпнуть изъ языка Начальной и Киевской лѣтописи, потому что эти доводы могутъ въ большей или меньшей степени считаться еще новыми, неразсмотрѣнными. Мы увидимъ, что и новые эти доводы г. Соболевскаго столь же малоцѣнны и фактически ложны, какъ и предыдущие.

II.

Останавливаясь на языкѣ «Начальной Лѣтописи», г. Соболевскій говоритъ: «Прежде всего въ Начальной и Киевской лѣтописяхъ, при обиліи уменьшительныхъ собственныхъ именъ разнаго рода, мы замѣчаемъ отсутствіе уменьшительныхъ [NB. болѣе поздняго. *A. Kr.*] типа Стец[ъ]ко, Яц[ъ]ко, Гриц[ъ]ко, Грицъ, которыя обычны въ галицкихъ грамотахъ XIV — XV вв. (на русскомъ и на латинскомъ языкахъ) и въ современныхъ малорусскихъ говорахъ»¹).

Въ отвѣтъ на это надо сказать: такихъ уменьшительныхъ не было также и въ Галичинѣ до XIV—XV вѣка,—напримѣръ, ихъ неѣть въ Галицко-Волынской лѣтописи. И вполнѣ понятно, почему это такъ: потому что малорусскія имена на цѣло появилась у малоруссовъ лишь подъ польскимъ вліяніемъ, а польскаго вліянія не зналъ не только старый Киевъ, но и старая Галичина. Когда же Галичина попала во власть къ полякамъ, въ ней тогда и завелись имена вродѣ «Стецько», «Яцько» и т. п.: они представляютъ собою уменьшительные польского (вѣрнѣе — вообще западно-славянскаго) типа «Стецъ», «Яцъ» и пр. съ при-

1) Извѣстія, 1905, кн. I, стр. 319.

бавленіемъ обычнаго малорусскаго (и общерусскаго) окончанія *ко*¹⁾. Только съ XIV — XV вѣка они и появляются въ галицкихъ грамотахъ,—гдѣ, какъ мы видѣли, ихъ и нашелъ г. Соболевскій²⁾.

III.

Далѣе г. Соболевскій продолжаетъ: «Затѣмъ въ Киевской лѣтописи (какъ по Ипатскому, такъ и по другимъ спискамъ) собственное имя звучить Дюрдь, Дюрдий, Дюрь, изъ Гюрь, Гюргий, со смягченіемъ *и* въ *d* (рядомъ книжная форма Георгий и старая народная Гюргий).... Ни галицко-волынскіе памятники XII—XIV вѣка, ни галицкія грамоты XIV—XV вѣковъ, ни современные малорусскіе говоры [будто бы?! *A. Kr.*] не знаютъ смягченія *i* въ *d*, какъ и *i* въ *t*, ни въ этомъ, ни въ однородныхъ словахъ. Новгородскіе, средне-русскіе, западно-русскіе памятники всѣхъ временъ не знаютъ имени Георгій ни въ одномъ изъ его вариантовъ со звукомъ *d*. То же можно сказать о современныхъ русскихъ говорахъ»³⁾.

1) Процессъ соединенія малоруссами какого-нибудь чужого заимствованаго уменьшительного имени со своимъ роднымъ малорусскимъ суффиксомъ *ко* вскій можетъ и сейчасъ свободно наблюдать. Каждому, конечно, случалось слышать, какъ разбогатѣвшій простой малоруссъ начинаетъ титуловать своего сына, положимъ Георгія: «Жоржко», — на томъ основаніи, что въ сосѣдней панской семье паничъ-Георгій назывался уменьшительно «Жоржъ».

2) Имена польского типа «Яцъ», «Отецъ» могли безъ всякаго труда привиться у галичанъ, а затѣмъ въ большей или меньшей степени и у всѣхъ прочихъ малоруссовъ (кіевлянъ и др.) потому, что отъ стариннѣйшихъ временъ у южноруссовъ ужъ имѣлась *своя собственная* наклонность образовывать уменьшительные именные формы довольно сходнаго съ этимъ типа: на *и*. Такъ, въ старомъ Кіевѣ вмѣсто «Михаиль» говорилось «Михаиль» (см. Лаврент. списокъ, стр. 185, 301; Ипат. сп., 134), вмѣсто «Іванъ» — «Янъ» (Лавр. 171; Ипат. 123; Лавр. 205, Ипат. 148). — Кстати будеть вспомнить г. Соболевскому, что старо-кіевскіе «Михаиль» и «Янъ» сами по себѣ ужъ сравительно типичныя малорусскія формы.

3) «Ізвѣстія», указ. и., стр. 319.

Въ дополненіе къ этой цитатѣ изъ статьи г. Соболевскаго мы приведемъ также одно мѣсто изъ его «Лекцій», гдѣ онъ, отмѣтивши между прочимъ въ описаніи Киевскаго замка XVI вѣка форму «Овдутья» (вм. «Овдохъ»¹), произносить слѣдующее совсѣмъ невѣрное утвержденіе: «Изъ современныхъ русскихъ говоровъ лишь великорусскіе имѣютъ собственныя имена съ переходнымъ смягченіемъ гортаннымъ: Овдотья, Мартьянъ (=Маркіанъ) и т. д.².

Какъ я при самомъ цитированіи отмѣтилъ, все эти утвержденія г. Соболевскаго сплошь не вѣрны. Въ отвѣтъ на его смѣющее заявленіе, будто «современные малорусскіе говоры не знаютъ смягченія ѣ въ д ни въ «Дюрдий», ни въ «днородныхъ словахъ», я ему укажу, что не далѣе какъ въ той же Киевской губерніи, гдѣ лѣтописцы писали «Дюрдий», особый родъ ожерелья и теперь называется: или «Герданкі» (слово персидское), или «дъорданкі»; это же слово, кстати сказать, извѣстно и въ Галичинѣ въ видѣ двухъ чередующихся фонемъ: «Герданъ» и «дъордянъ»³). Что касается появленія звука ѣ специально въ имени «Георгій», то сверхъ Киева мы это имя со звукомъ ѣ находимъ какъ разъ лишь въ Галичинѣ, и оно тамъ сохранялось никакъ не менѣе, чѣмъ до конца XV-го столѣтія. По крайней мѣрѣ въ боковинской грамотѣ 1471 г. мы еще встрѣчаемъ: «Диордия»⁴).— Равнымъ образомъ, если г. Соболевскій полагаетъ, будто «Овдутья» и «Мартьянъ» — это не по-малорусски, то я ему могу сообщить, что эти имена, со звукомъ т, и сейчасъ продолжаютъ существовать какъ въ Кіевщинѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ малорусской территории, къ западу ли, къ востоку ли отъ Кіевщины. Про имя «Овдотія» мы знаемъ, что въ XV вѣкѣ

1) Архивъ Юго-Зап. Россіи, VII, I.

2) «Лекціи» (изд. 1908), стр. 181.

3) Отмѣчено и словаремъ Желеховскаго; см. т. I, стр. 198, б. См. еще I, 168, со ссылкою на «Рокисіє» Кольберга I, 38, 40.

4) Грамота 1471 г. издана А. Кочубинскимъ въ 82-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова (СПБ. 1892), стр. 249.

ово было въ семье волынско-подольского князя Андрея Владимировича (Ольгердова внука)¹⁾; въ южно-русскомъ Дубенскомъ (т. е. волынскомъ) Евангелии XVI в. Румянц. музея есть, какъ случайно проговорился самъ г. Соболевский²⁾, начертаніе: «*Оудотії*»; галичанинъ, чуждый всякаго русскаго вліянія, проф. Ом. Огоновскій, до такой степени свыкся съ малорусскимъ именемъ «*Авдотя*», что считалъ его даже *исключительно малорусскимъ* (!), а не общерусскимъ³⁾; укажу также, что пятнистая болотная рыбка, называемая въ южной Украинѣ «*явдошкою*», въ сѣверной Кіевщинѣ называется «*овдотка*» или «*овдотка*» (у галичанъ «*авдотка*»)⁴⁾. Также и по поводу имени «*Мартьянъ*» сообщу г. Соболевскому, что имя «*Мартійнъ*» (равно какъ и имя «*Маркійнъ*») онъ можетъ услышать на всемъ пространствѣ малорусской территории, — такъ же какъ и происходящую отсюда фамилию «*Мартяненко*».

Да и какъ можетъ быть иначе! Все это вѣдь — частичныя проявленія *общаго* фонетического малорусскаго закона, по которому мягкие *t* и *d* (теперь во многихъ случаяхъ успѣвшіе у малоруссовъ ужъ и отвердѣть) смѣшиваются съ *k* и *g*⁵⁾. Заслуженный славяновѣдѣ В. И. Ламанскій еще сорокъ лѣтъ тому назадъ подчеркнулъ эту малорусскую фонетическую особенность и обратилъ вниманіе на такія малорусскія фонемы, какъ «*кіло*» (=тѣло),

1) Въ 1446 году онъ прѣѣжалъ на богомолье въ Кіевъ и составилъ тамъ свою духовную, которую издалъ и Я. Головацкій въ своихъ «Памятн. диплом. и судебн.-хѣлов. яз. рус.» (Львовъ 1867), стр. 60—62. См. тамъ стр. 61: «*едочцѣ* своей княжнѣ *Овдотії*. Подлинникъ — въ Румянцевскомъ музѣѣ.

2) «*Лекції*» (1908), стр. 131.

3) Еп. Ogonowski: *Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache* (Львовъ 1880), стр. 65.

4) По крайней мѣрѣ въ такой формѣ (съ начальнымъ *a*) это название сказано у Желеховскаго («*Словарь*», т. I, стр. 1).

5) См. въ моей «*Украинской грамматикѣ*» § 14, в. Въ силу, быть можетъ, нефонетическихъ аналогій чередоваться могутъ и *твердые* зубные съ *твердыми* задненебными, по сосѣдству съ *плавными*. Срв. еще въ Изборникѣ Святослава 1076 г.: «*гъргынъ*» (л. 90), гдѣ впрочемъ сочетаніе *гы* могло быть и полумягкимъ, и въ Супрасльской рукописи: «*когратъ*» (89,7). Срв. еще въ полабскомъ языке: *donda* (=дѣга).

«кісто» (=тѣсто), «к'яжко» (=тяжко)¹), — и, дѣйствительно, у многихъ малоруссовъ (не исключительно въ предѣлахъ Кіевщины, но и въ другихъ мѣстахъ) эта особенность до того сильно виѣдилаась въ произношеніе, что у нихъ, передъ мягкими гласными, совсѣмъ стерлась разница между *k* и *t*; даже когда нарочно прошишь ихъ произнести появственнѣе, напримѣръ, «тѣсний», «тѣсто» и т. п., они невольно произносятъ только «кісний», «кісто»²). Замѣстивавши отъ турокъ слово «тебіаетъ» (=природныя способности; арабск. *طبعة*), они его передѣлали въ «кебета» (что мы находимъ и у Шевченка). Въ Полтавщинѣ смыщеніе задненебныхъ и зубныхъ распространено до того сильно, что авторъ новѣйшей полтавской «Короткої граматики української мови» счелъ нужнымъ предостеречь своихъ читателей отъ употребленія такихъ «покрученыхъ» словъ, какъ «кісто» (=тѣсто), «кісний» (=тѣсний), «кіля» (=для)³). Полтавская пословица гласить: «Голова знає, та руки не кігнуть (=тягнуть)⁴». Городокъ Константиноградъ выговаривается полтавцами за «Косъянтино-градъ». «Гаківніця» (родъ пушки) произносится ими за «гатівниця»⁵). Деревянный стулъ называется въ Полтавщинѣ, Черни-

1) Ламанскій: О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, стр. 89.

2) Явленіе это наблюдалъ, между прочимъ, В. Н. Доманицкій (современный малорусскій писатель) въ произношеніи жителей села Каврай (по новому оно же—Троицкое) волъ м. Иркліева Золотонішского уѣзда Полтавской губерніи. Это ужъ было мною своевременно указано въ «Филологіи и Погодинской гипотезѣ», стр. XIX. Извѣстный малорусскій писатель Б. Д. Грінченко сообщалъ мнѣ, что въ Богодуховскомъ и въ Харьковскомъ уѣздахъ Харьковщины онъ до того свыкся съ мѣстнымъ произношеніемъ «кіло», «кісто» и т. п. (вм. «тіло», «тѣсто» и т. п.), что приходилось для контроля слѣдить и за своимъ собственнымъ произношеніемъ. Въ очень интересныхъ письмахъ крестьянъ къ нему, которыхъ онъ обнародовалъ недавно въ журнале «Нова Громада» 1906, VII, мы встрѣчаемся съ такими написаніями, какъ «запорожці прекіснія» (стр. 56;—прѣтѣнія).

3) П. Залозний: Кор. грам. укр. мови, Полтава 1906, стр. 15.

4) Записана въ с. Грунь Зѣньковскаго уѣзда. См. В. Василенко: «Опытъ толков. словаря народн. технич. терминологіи по Полт. губ.», Харьк. 1902 (отт. изъ 18-го т. «Сборн. Ист.-Филол. Общ.»), стр. 77.

5) Срв. начертаніе «гаківніця» изъ полтавской Переяславщины—«Кіевск. Стар.» 1906, май—іюнь, стр. 200. Твердость звука *t* (вѣдь слогъ «ты» надо читать здесь, какъ твердоватое *ti*) объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мо-

говщинѣ и съв. Кіевщинѣ «адзі́глик» (польск. *zedlik*, *zedel* = скамья, срв. нѣм. *Siedel*). Въ этомъ словѣ всегда слышится мгновенно-звонкое г', но въ другихъ словахъ можетъ вѣсто д одинаково слышаться какъ звукъ г' (лат. g), такъ и звукъ ѣ (=h); напр. предлогъ «для» обращается въ Кіевщинѣ и въ другихъ мѣстахъ Украины безразлично то въ «г'ля», то въ «ѣля», даже въ устахъ одного и того же лица. Подъ Звенигородкой Кіевской губ. неграмотные люди выражаютъ понятіе «жалостный» черезъ «г'раматичний» (=драматичный)¹⁾, произнося это слово только со звукомъ g; но мѣстная фамилія «Гігенко» и «Горгіенко»²⁾, внесенная съ буквою ѣ даже въ офиціальные документы и, следовательно, получившіе такой свой звуковой видъ давно уже, произносятся только съ h; обыкновенная же малорусская форма этихъ фамилій — «Діденко» и «Городіенко». Тамъ же въ Звенигородкѣ Кіев. губ. очень извѣстная фамилія, пишущаяся «Маг-

нофтонгъ і (изъ удлинившагося є) выработалася въ Переяславщинѣ очень недавно, а до того времени здѣсь произносили твердый дифтонгъ уи. По свидѣтельству Шафонского 1786 г. въ его «Топографич. описаніи Черниг. намѣстничества» (изд. въ Кіевѣ 1857, см. § 12 и § 5) оказывается, что даже въ концѣ XVIII вѣка переяславцы еще не успѣли выработать звука і, а произносили удлиненное є близко къ у. (Западные же малорусы, какъ извѣстно изъ памятниковъ, успѣли переработать дифтонгъ уо, уи въ монофтонгическое і еще въ XVI в. Кстати сказать, — въ противность утвержденію г. Соболевского, высказанному на стр. 313-ой «Ізвѣстій», — всякий, кто знаетъ малорусскую діалекто-логію и исторію малорусского языка, обязанъ признать, что звукъ і вырабатывался въ западномъ и въ восточномъ малорусскомъ нарѣчіи (въ Львовѣ и въ Кіевѣ) самостоятельно, независимо другъ отъ друга (поскольку можно говорить о полной взаимной независимости при постоянныхъ сношеніяхъ Львова съ Кіевомъ) и въ разное время въ разныхъ говорахъ. Правда, филологовъ, которые подумаютъ такъ, г. Соболевскій заранѣе исключаетъ изъ числа «есколько-нибудь образованныхъ лингвистовъ-діалектологовъ» (стр. 313, сноска); — но я съ тѣмъ болѣшимъ удовольствіемъ сплюшу ворти въ разрядъ этихъ (по г. Соболевскому) «совсѣмъ необразованныхъ лингвистовъ-діалектологовъ», что уже нахожу въ ихъ числѣ незавѣнного акад. Потебню, создателя исторіи русскаго языка, и акад. Ф. Е. Корша, всемірное свѣтило лингвистики.

1) Записано мною между прочимъ отъ пастушки Свистінніихи, живущей въ предмѣстіи «Червоной». Однако «граматка» она произноситъ съ h, а не съ g. По ея объясненію: «г'раматичний — жалісивий».

2) Родомъ онѣ изъ средней Кіевщины.

денко», сплошь да рядомъ проинзносится за «Мáдъэнко» (съ такимъ дъ, которое приближается къ и, но не есть и). Въ съверной и средней Украинѣ особая сумка называется какъ «кайстра» (=лат. canistrum), такъ и «тайстра», — въ особенности на Полѣсси. Вообще на Полѣсси это явленіе—одно изъ самыхъ обычныхъ¹⁾. Тамъ же на Полѣсси вмѣсто «ковтни», «ковтнѣть» выговариваются «ковнни», «ковннѣть» (=повел. н-ніе отъ глагола «ковтнути»—«проглотить»)²⁾. Тамъ же на Полѣсси, да и вообще во всей съверо-восточной Волыни, спутались по этой причинѣ энклитическая частицы (союзы) «-ке» и «-те»; а такъ какъ онѣ, кстати сказать, часто произносятся тамъ съ расширенiemъ (*mä* и *ma*), то съ ними смѣшался еще и соединительный неэнклитический союзъ *ta* (= да, и)³⁾. Имя одного мѣстечка въ Черниговщинѣ подъ Нѣжиномъ выговаривается и «Вертївка» и «Веркївка»⁴⁾. Очень распространены и въ Киевщинѣ и въ Черниговщинѣ формы «дякі» и «які» вмѣсто «дятлі» (=дятль) и уменьшительныя «дяклик»

1) Извѣстная украинская литературная семья Косачей (Леся Українка, Олена Пчілка и др.) обратила мое вниманіе на то, что произношеніе типа «кілов», «кістов» слышится и у нихъ въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ,—напр., въ ихъ родномъ селѣ Колодяжномъ возлѣ мѣстечка Мирополье.

2) См., между прочимъ, и въ такомъ характерномъ по языку произведеніи, какъ «Сплютни» полѣшука М. Семенюка (Житомиръ, 1872), стр. 23: «ковнни синкун».

3) Тамъ, напримѣръ, вмѣсто «йдіть і ви-ке додому» говорятъ: «йдіть і ви-те додому», чemu, конечно, содѣйствуетъ и вліяніе глагольной аналогіи. (См. многое примѣръ на такое *te* въ разсказѣ Леси Українки: «Приязнь» — въ «Кievskoy Stariinѣ» 1905, окт., стр. 13, 14, 15 и т. д.). Вмѣсто обычнаго «я та він» можно на Волыни услышать: «я же він» (черезъ промежуточную стадію: «я тѣ він»), — явленіе, которое было отмѣчено (помнится, г. Коробкою) въ одномъ изъ первыхъ томовъ «Живой Старины». — Замѣчу мимоходомъ, что общемалорусское чередованіе эвфемизма для репія *virilis*: «кабака» и «stabaka» обязано своимъ появленіемъ повидимому не столько вліяніемъ семасіологическимъ, сколько фонетическому чередованію *mä* и *ma*. (Ср. и въ великорусскомъ народѣ произношеніе этого слова со звукомъ *e*, а не только со звукомъ *a*. Даъ: «Толковый словарь», т. IV, М. 1866, стр. 361).

4) См. корреспонденцію въ киевской малорусской газетѣ «Громадська Думка», 1906, № 86, стр. 4, гдѣ оказываются параллельно обѣ формы. Еще ср. форму «Вертївка» (съ *t*) въ «Громадській Думці» 1906, № 108 и № 159, и «Веркївка» (съ *k*) — въ ней же, № 190 и въ «Шершні» 1906, № 24.

и «я́клик» вм. «дáтлико»; а глаголь, означающій «назойливо ка-
нечить», «долбить», произносится сплошь да рядом «я́клити»
(вм. «я́млити», «дáмлити»)¹). Да и начальный слогъ этихъ сущес-
твительныхъ и этого глагола (*ja* вм. *da*) выразительно говорить
о существованіи, прежде, промежуточной стадіи: *я*. Чередую-
щаяся форма имени «Келимон» и «Телимон» (Пантелеймонъ) из-
вѣстна, съ обычной перегласовкой *e* на *a*, отъ Киевщины до край-
няго съверо-востока Слободской Украины (срв. какъ «Калимон»,
такъ и «Талимон» — у Квитки). Другой такой общеизвѣстный
примѣръ чередованія *t* и *k* — «стирта» и «скирта». Въ Киевщинѣ
существуетъ ругательство: «люжре!» (въ смыслѣ «безбожный»,
«бесовѣстный»), которому соотвѣтствуетъ западно-малорусское
«лютре»²). — Въ судьбѣ звука *d*, обращающагося у малорус-
совъ въ звукъ *ѓ*, можно отмѣтить даже кое-какое дальнѣйшее
развитіе, а именно: въ виду того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ
Кievщины (и вообще восточной Украины) звукъ *ѓ* произносится
уже съ трудомъ, тамъ мы для замѣны звука *d* не разъ слышимъ
уже не звукъ *ѓ*, а близкій къ нему звукъ *h*; такъ, въ Kievщинѣ
вмѣсто «на-Дмитра» (т. е. «въ день св. Димитрія» = «на-Дымитра»)
говорять теперь: «на-Хмитра», а вмѣсто «маю на предметѣ»
(там *na przedmiecie*) произносятъ: «маю на прекметѣ»³). — Что
этотъ законъ о смяшениі мягкихъ *t* и *d* съ *k* и *g* есть вполнѣ
малорусская черта, не навѣянная изъ Великороссіи, это лучше
всего доказывается рѣчью галицкихъ горцевъ-гуцуловъ, никогда

1) Фонема «я́кли» печатно засвидѣтельствована черниговскими «Этнографи-
ческими материалами» Б. Д. Грінченка, на что онъ самъ любезно обратилъ свое
вниманіе. Глаголъ «я́клити» употребленъ черниговцемъ Номисомъ при объясненіи
къ пословицѣ № 12.153 его сборника: «Українські приказки, прислів'я і
таке інше» (Спб. 1864, стр. 238).

2) Это есть, собственно, звателный падежъ отъ «лютра» (р. п. «лютрас»),
первоначальный смыслъ котораго — «лютеранинъ» (срв. зап.-срн. «перейти на
лютра» = перейти въ лютеранство).

3) Такъ какъ параллельно съ этимъ выраженіемъ имѣется равносильное
ему другое: «маю на примѣтѣ» (=на примѣтѣ), то взаимодѣйствіе обоихъ выра-
женій привело къ образованію нового существительного женск. р.: «прекмѣта»
(или «сприкмѣта»), со значеніемъ «примѣта». Это новое существительное ж. р.
вашло даже въ литературную рѣчь.

не знавшихъ великорусскаго вліянія. Такъ наз. «покутскій» галицкій говоръ систематически замѣняеть каждое мягкое *o* на *г* (*гід*, *гівка*=*дѣдъ*, *дѣвка*), а каждое мягкое *t* на *к* (*хісто*, *в хамі*=*тѣсто*, *въ хатѣ*)¹⁾.

Относительно звука *t* въ имени «Мартьянъ» надо впрочемъ оговориться, что онъ (въ противность категорическому утверждению г. Соболевскаго) можетъ объясняться вовсе не чередованіемъ звуковъ *к* и *t*. У насъ нѣтъ твердыхъ основаній думать, что имя «Мартьянъ» равносильно имени «Маркіанъ», а напротивъ есть основанія думать, что «Мартьянъ» есть сокращеніе имени «Мартиніанъ». По крайней мѣрѣ, въ Февральской минеѣ XV вѣка (хранящейся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи № 584) подъ 13-мъ февраля (л. 130) оказывается житіе преподобнаго «Мартиана черноризъца», въ этотъ день празднуется память св. Мартиніана, не Маркіана, и все помѣщеннное тамъ житіе есть житіе именно св. Мартиніана.

IV.

«Затѣмъ», продолжаетъ г. Соболевскій свою статью, «въ Начальной лѣтописи (по западно-русскимъ Радзивиловскому и Академическому спискамъ) название рѣки въ Переяславской области, хорошо известное въ Кіевѣ, звучить «Ольто», несомнѣнно изъ «Льто» (что сохранено Лаврентьевскимъ и Ипатскимъ списками). Въ немъ мы имѣемъ неорганическое *o*, появляющееся въ подобныхъ случаяхъ въ великорусскихъ и отчасти въ бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ и не встрѣчающееся въ малорусскомъ [это неправда. *A. Kr.*]. Оно могло войти въ старшіе списки лѣто-

1) Огоновскій: *Studien*, стр. 77. Множество примѣровъ можно найти въ материалахъ, издаваемыхъ Ученымъ Обществомъ имени Шевченка въ его «Етнографическому Збірнику».

писи, кіевські, лише подъ влініємъ живого произношенія, также кіевскаго, и изъ нихъ уже перейти въ списки не кіевскаго происхожденія¹⁾.

Что «Ольтор», съ призвукомъ о, есть очевидная черта старокіевскаго говора, въ этомъ г. Соболевскій, конечно, правъ. Но только ничего противомалорусскаго въ этой чертѣ нѣтъ. Г. Соболевскій долженъ бытъ бы вспомнить, что и Волынь, малоруссизмъ которой онъ ставить въ всякихъ сомнѣній, тоже передѣлала свой лѣтописный городъ «Вручий» (подъ 6485—977 г. и сл.) на «Овручъ»²⁾. Дѣло въ томъ, что неорганический призвукъ о вполнѣ свойственъ малорусской рѣчи, что должно быть известно каждому великоруссу, читавшему Гоголя и встрѣчавшему тамъ имена «Оксана» (= Ксения) и «Одарка» (= Дарья). Обы этомъ г. Соболевскій могъ бы справиться въ популярной школьной грамматикѣ малорусского языка проф. Ом. Огоновскаго, гдѣ нашель бы приведенное, въ видѣ примѣра, «олжа» (=олжа, ложь)³⁾, а кромѣ того г. Соболевскій нашель бы обѣ этомъ свѣдѣнія въ общеизвѣстной книжѣ того же проф. Огоновскаго, знакомство съ которой безусловно обязательно для всякаго, кто поднимаетъ діалектологические вопросы: *Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache* (Львовъ 1880). Въ этой книжѣ малорусскій при-

1) Извѣстія, указ. статья, стр. 319—320.

2) Теперь употребляется только форма «Овруч» (съ призвукомъ). Но еще къ началу XVI вѣка свободно чередовались обѣ формы: съ призвукомъ О, и безъ призыва. Такъ, въ жалов. грам. 1496 г. великаго князя Александра наѣстникамъ Овручскому и Звягольскому мы параллельно находимъ: «наѣстнику Вруцкому», «Вручеи»—и «въ Овруцкомъ повѣтѣ». То же въ спискѣ грамоты его же 1498 г., входящемъ въ кіевскую книгу кірдскую 1736 г. (№ 47, л. 808): «земеныиъ Вруцкій»—и «въ Овруцкомъ mestе». Польская копія съ жалованной грамоты Александра 1508 г., внесенная въ Овручскую книгу кірдскую 1717 г. (№ 3224, л. 98), содержитъ въ себѣ: «starci Wruckemis»—и «rod miastem Owruyczym».

3) Ом. Огоновскій: Граматика [мало]-русскаго языка для школьнъ середихъ (Львовъ 1889), стр. 25, § 72. Слово «олжа» вовсе не специальнѣо-галицкое: оно очень обычно у Кулиша. Глаголъ «олгати» (несов. вида, вм. «лагати») фигурируетъ и въ думѣ про Азовскихъ братъевъ: «А будемо ми, брате, перед отцемъ, перед маткою олгати» (Антоновичъ и Драгомановъ, т. I, стр. 119).

звукъ *O* отмѣченъ въ рубрикѣ: *Vorschlag von Vocalen* (стр. 54—55, § 14), причемъ приведены и кое-какія свидѣтельства памятниковъ (напр., *овшайки*—*вшайки*, укр. *всенькі*, — изъ галицк. грамоты 1457 г.), и подчеркнуты также такие малорусскіе примѣры, какъ «*оборіг*» (=польск. *bróg*), «*ожеледь*, *ожеледиця*» (=жлѣдица), «*оселедець*» (*sledz*) и др. Кроме того, стоило бы г. Соболевскому лишь слегка перелистать общедоступный «Малорусско-нѣмецкий словарь» Желеховскаго (Львовъ 1886) въ отдѣльѣ буквы *O*, — и передъ нимъ воочію предсталъ бы длинный рядъ такихъ типичныхъ малорусскихъ формъ (типа «*олжа*»), какъ «*ортуть*» (=ртуть); горно-гал. «*об'рва*» (=брва, бровы); гал. «*орів*» (=рів; очевидно при родительномъ «*орва*», украин. «*брва*»); «*омшар*» (=мишар; мѣсто, поросшее мхомъ); «*орханці*» (особыя желѣзныя колечки, — тоже, что «*р'ханці*», «*рихванці*»); «*ождиг'ан*» (кій; = персидско-турк. *džig'an*, *džug'an*); «*ок-пило*» (=клило; насыщенный обманщикъ); «*ограшка*» (иронич. название для лихорадки; = грашка, играшка), «*ореля*» (качель=реля) и множ. др.; заслуживаютъ вниманія названія двухъ горъ: «*Опчина*» (=бѣчина, бочка) и «*Остих*» (=нѣм. *Stich*; у Желех. «*Гостихъ*»)¹⁾. Полагаю, что всѣ эти выписки изъ школьніхъ руководствъ и настольного словаря²⁾ избавляютъ меня отъ необходи-

1) Придыханіе *h* есть, какъ известно, венцъ въ малорусскомъ языке обычна, и она свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что неорганическій гласный призвукъ *o* въ томъ или другомъ словѣ появился давно. Срв. примѣры изъ Кіевщины: «У пана він юпра́ва рука» (=правая рука), и тамъ же, въ известной купальской пѣснѣ: «...Іванко лежить, в юпраї руці Марійку держить» (=въ правой рукѣ). Иногда вместо *h* призвукъ *o* снабжается призвукомъ *e*, какъ, напр., въ словѣ «*օօрвіль*» (нарывъ), которое отмѣчено и у Желеховскаго.

2) Предлагаю также раскрыть какой-нибудь номеръ кіевской малорусской газеты, чтобы найти соответствующіе примѣры. Напр. въ одномъ изъ послѣднихъ №-овъ «Громадської Думки» (№ 69, стр. 3, столб. 3) находимъ вместо «*бліскавку*» (=молнию) форму съ призвукомъ: «*обліскавку*», а въ другомъ номерѣ три раза находимъ «*отрунокъ*» вм. «*стронокъ*» (=животъ). Си. № 90, стр. 2. Вместо обычнаго «*блакитъ*» (=синева, польск. *błękit*) мы тамъ читаемъ «*обла-китъ*» (№ 158, стр. 1, въ фельетонѣ). Въ одной изъ послѣднихъ книгъ журнала «*Нова Громада*» встрѣчаемъ, локально-полтавское «*копорокъ*» вм. «*спорокъ*» (въ пословицѣ: «Бідність не опорокъ», 1906, іюль, стр. 72). И т. п., и т. п.

димости засыпать г. Соболевского тою *массою* примѣровъ на малорусскій призвукъ *o*, которые я могъ бы предложить ему изъ своихъ личныхъ записей, собранныхъ въ Киевщинѣ³⁾.

V.

Покончивши съ якобы-великорусскими фонетическими особенностями Киевской лѣтописи (сплошь и сугубо малорусскими, какъ мы видѣли!), г. Соболевский рѣшается усмотрѣть великорусизмы въ словарномъ запасѣ Киевской лѣтописи. Такихъ будто бы немалорусскихъ словъ онъ находитъ три. Онъ говорить:

«Начальная и Киевская лѣтописи пользуются: словомъ *старшина* съ позднѣйшимъ значеніемъ одного человѣка, между тѣмъ какъ малорусские говоры [въ видѣ «старшина»] употребляютъ его лишь въ древнѣйшемъ значеніи собирательномъ [это не такъ. *A. Kр.*]; — *зоря* въ значеніи: заря, между тѣмъ какъ малорусские говоры знаютъ его только [нѣть! *A. Kр.*] въ значеніи: звѣзда; — словомъ *лошадь*, чуждымъ [и это не такъ. *A. Kр.*] малорусскому нарѣчію¹⁾.

Изъ помѣтокъ, сдѣланныхъ мною въ скобкахъ, читатель уже видѣть, что утвержденія г. Соболевского не соответствуютъ дѣйствительности. Они свидѣтельствуютъ только о практическомъ незнакомствѣ г. Соболевского съ самыми обыденными и частыми словами малорусского языка, а кромѣ того заставляютъ пожалѣть, что филологъ способенъ съ необыкновенной смѣстью компрометировать себя фактически-невѣрными утвержденіями, тогда какъ двѣ-три минуты справокъ, хотя бы просто по сло-

3) Въ моей «Украинской грамматикѣ» о неорганическомъ призвукѣ *o*, см. отдельную рубрику въ главѣ: «Пріемы малорусского благозвучія», § 42 и слѣд.

1) Извѣстія, указ. статья, стр. 820.

варю, могли бы его избавить отъ непріятности компрометировать себя.

Всякій малоруссъ знаетъ, что малорусское слово «старшина» *всечимо* соотвѣтствуетъ киевскому лѣтописному «старѣйшина»; во *всѧхъ* его значеніяхъ. Подобно тому, какъ въ языкѣ Киевской лѣтописи слово «старѣйшина» значить: и начальство въ собирательномъ смыслѣ (срв. Лавр. сп., стр. 16: «рѣша старѣйшина»), и *одинъ* начальникъ (срв. Лавр. сп., стр. 38: «призыва старейшину конюхомъ, — онъ же рече»), — такъ и въ современномъ малорусскомъ языкѣ всѣхъ мѣстностей слово «старшина» имѣеть и собирательный смыслъ («уся старшина», — въ этомъ случаѣ оно ж. р.) и *единичный* смыслъ¹⁾. Беремъ, для примѣра, малорусскій переводъ ветхозавѣтной Библіи²⁾, раскрываемъ его гдѣ-нибудь наудачу въ тѣхъ частяхъ, которыя переведены уроженцемъ коренной Кіевщины, извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ и великимъ сторонникомъ своего роднаго среднекиевскаго говора Ив. Сем. Левицкимъ, — ну, хоть «Другу книгу Палипоменон» на стр. 415-ой, — и сейчасъ же найдемъ: «зібраав Соломон старшини Ізрайлеві» (V, 2), «прийшли всі старшини Ізрайлеві» (V, 4). Посмотримъ книгу Эзы, въ переводѣ опять-таки Ив. Сем. Левицкаго, на стр. 455—456: «приступили до мене старшини» (IX, 1), «і встав Ездра й звелів старшинамъ по-клястись» (X, 5), «присудомъ старшини та начальників» (X, 8), «ваші старшини» (X, 14), «нехай приходять з ними старшини з кожного міста» (*ibid.*). Посмотримъ переводъ Евангелія — черниговца Кулиша, — и тамъ то же: «Ось приходить один із школьнихъ старшин, на ймя Яір» (отъ Марка, V, 22), «приходить відъ школьнаго старшини» (*ib.*, V, 35), «школьному старшину» (*ib.*, V, 36), «до школьнаго старшини» (V, 38), «сей буе старшиною» (Луки, VIII, 41), «відъ школьнаго старшини» (*ib.*,

1) См. въ моей «Украинской грамматикѣ» главу: «Родъ именъ существительныхъ», рубр. 8-ую.

2) Пользуюсь Вѣнскимъ изданіемъ 1908 г.

VIII, 49). Совершенно то же найдемъ и въ переводѣ волынянки Леси Українки: «дочку одного старшина»¹⁾). У полтавца Гр. Ко-валенка въ его «Оповіданнях з української старовини» мы множество разъ встрѣчаемъ: «козацькі старшини» (= им. множ.), «козацький старшина» (ед. ч. для одного лица), «обрати нових старшин», «на новий рік вибиралися наново старшини, а старих судили, а як вони були винні, то й карали», — наряду, конечно, съ «козацька старшина» (= собират.)²⁾). Итакъ ясно, что «старшина» можетъ означать по-малорусски и одного человѣка. Да достаточно было бы г. Соболевскому раскрыть «Малоруско-вѣмецкій словарь» галичанина Желеховскаго, т. II, стр. 916, и прочитать: «Старшина — der Aelteste, Senior».

И слово «зоря», въ противоположность утвержденію г. Соболевскаго, значить по-малорусски не только «звѣзда», но и «заря». Примѣровъ на это могъ бы найти г. Соболевскій сколько угодно, въ области ли народной думы («Безпечно спать полягали— съвѣтової зорі дожидали; став божій съвіт съвітати— стали вони на коні сїдати»—въ думѣ о побѣгѣ трехъ Азовскихъ братьевъ)³⁾, въ области ли народной пѣсни («Вийшли в поле косарі — косить рано до зорі»), въ области ли народной поговорки («ні съвіт, ні зоря»), въ области ли стихотворной литературной рѣчи (срв. «Бліснула зоря—біліють поля»—у Кулиша въ «Досьвіткахъ»⁴⁾), въ области ли беллетристики («А стала зоря розсвітати... Катря і каже: Вже сонце, день»—у Марка-Бовчка въ «Трьохъ доляхъ»⁵⁾); наконецъ г. Соболевскій могъ бы узнать, что значить по-малорусски «зоря» просто даже изъ нагляднаго разсмотрѣнія заглавной виньетки съ *восходящимъ солнцемъ* на извѣстномъ львовскомъ

1) Моріс Верн: Евангеліе, переклада з французького Л. У. (Львів 1906), стр. 8,—въ серії «Літературно-Наукова Бібліотека», ч. 111.

2) См. журналъ «Рідний Край», 1906, № 29 (стр. 4—5) и слѣд.

3) Автоновичъ и Драгомановъ: Историческая пѣсни малорусского народа, т. I (Кievъ 1874), стр. 119.

4) См. по изданію 1876 г. (въ Кіевѣ), стр. 196, въ поэмѣ «Великі проводи», пѣсня 5-я, I.

5) По петербургскому изданію 1862 г., см. т. II, стр. 149.

журналъ «Зоря»¹⁾, который издавался «Науковим Товариством імені Шевченка» и довольно долго былъ литературнымъ средоточиемъ всей малорусской литературы, или изъ виньетки тоже съ восходящимъ солнцемъ на журналъ «Зоря», который сталъ издаваться въ Россіи съ 1906 года послѣ отмѣны тридцатилѣтнхъ неслыханныхъ стѣсненій, давившихъ малорусскую литературу. Интересно, что виньетка на галицкомъ журналѣ «Зоря», согласно двойному значенію слова «зоря» въ малорусскомъ языкѣ, чередовалась: иногда это было восходящее солнце, иногда яркая звѣзда. Въ Львовѣ существуетъ асоціація малорусскихъ ремесленниковъ, подъ наименованіемъ «Зоря»; по нѣмецки имя этой асоціації переводится «die Morgendämmerung». Въ словарѣ Желеховскаго «зоря» переведено (сверхъ Stern): «Morgenröthe, Tagesanbruch, Augora» (т. I, стр. 314).

Что касается третьяго слова: *лошадь*, употребленнаго въ Киевской лѣтописи, то и здѣсь г. Соболевскій не имѣть бы ни малѣйшаго основанія видѣть великоруссизмъ, если бы зналъ отѣнки малорусской синонимики. Какъ разъ вѣдь дѣло стоитъ наоборотъ утвержденію г. Соболевскаго, и именно въ способѣ употребленія *этого* слова проявляется тонкая малорускость Киевской лѣтописи. Дѣло въ томъ, что для обозначенія тѣхъ животныхъ, которыя у великоруссовъ огульно называются общимъ именемъ «лошадей», есть въ Киевской лѣтописи не одно, а *два* слова: славянское «коны» и монгольское «лошади» (это послѣднее слово вложено въ уста Владиміру Мономаху подъ 6611—1103 г. на Долобскомъ съѣздѣ по поводу лошадей смердовъ), причемъ оба слова означаютъ въ кievской лѣтописи неодинаковыя понятія. Разница между кievско-лѣтописнымъ «коны» и кievско-лѣтописнымъ «лошадь»—какъ разъ такая, которой нѣтъ у великоруссовъ и которая, напротивъ, и теперь сохраняется въ живой рѣчи той же сѣверной и средней Кіевщины и Черниговщины, гдѣ совершились лѣтописныя события. Вѣдь въ великорусскомъ

1) Онъ былъ иллюстрированъ съ 1891 года.

нарѣчіи лошадьми могутъ называться всѣ equi, всякаго достоинства, — отъ жалкой клячи до молодцоватой кавалерійской лошади, до породистыхъ заводскихъ арабскихъ и англійскихъ лошадей. Не то въ Киевской лѣтописи. Хорошія и обыкновенные лошади называются тамъ исключительно «кони», «конѣ» (какъ и у современныхъ малоруссовъ «конї»), а вотъ заморенная лошадь смерда называется монгольскимъ терминомъ «лошадь». Это же и есть малоруссизмъ, потому-что и рѣчь современныхъ малоруссовъ строго сохранила упомянутую лѣтописную разницу между славянскимъ и монгольскимъ словомъ. Примѣня терминъ монгольский, современный малоруссъ, подобно Владиміру Мономаху, влагаетъ въ него извѣстный оттѣнокъ пренебреженія или снисхожденія, указывающій на нечто мелкорослое, слабое. Въ виду представлениія о мелкорослости и слабости, включеннаго въ смыслъ этого слова, оно (т. е. монгольское «лошадь» съ родительнымъ «лошади») успѣло пріурочиться у малоруссовъ къ формѣ уменьшительныхъ имёнъ съ суффиксомъ «ѧ»: жеребенокъ называется по-малорусски всюду «лоша» (род. п. «лошати»), — лучшее доказательство малорусской исконности этого слова! Тотъ же оттѣнокъ мелкорослости и слабосильности вложенъ и въ смыслъ другихъ родственныхъ малорусскихъ словъ этого корня: «лошунъ», «лошица» (=лошаденка) и т. п.¹). Въ Полтавщинѣ слово «лошица» есть даже специальный terminus technicus: такъ называютъ полтавцы кобылу по второму и третьему году, т. е. не совсѣмъ еще окрѣпшую. Въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Киевщинѣ и на Волыни) слово «лошица», «лошичка» значить (сколько я наблюдалъ) просто лишь «лошаденка»²). Замѣтимъ, что эти слова употребляются и въ Австрійской Українѣ, въ закоулкахъ Карпатскихъ горъ³), свидѣтельствуя этимъ фак-

1) См. перечень въ словарѣ Желеховскаго, т. I, стр. 414.

2) Срв., между прочимъ, употребленіе словъ «лошица» и «лошичка» въ недавнемъ разсказѣ «Зажинки» Ворона-Вильчинскаго, изъ пограничья Волыни и Подолія (Громад. Думка 1906, № 155).

3) Сверхъ Желеховскаго см. буковинскій словарь О. Поповича (Чернівці, 1904), стр. 180.

тому о своей глубокой малорусской архаичности. Въ архаичныхъ говорахъ нынѣшнихъ «смердовъ» Черниговщины, «лошади» которой попали благодаря рѣчи Владимира Мономаха въ лѣтопись, можно услышать и ласкательно-увеличительное слово: «лошадога».

Сверхъ этихъ трехъ словъ: «старѣйшина» (м. р.), «азоря» и «лошадь», г. Соболевскій не указываетъ больше ни одного якобы «великоруссизма» въ Начальной и Киевской лѣтописи, но зато дѣлаетъ голословное подстрочное замѣчаніе: «Читающій Начальную и Киевскую лѣтописи поражается близостью ихъ синтаксиса и словаря къ великорусскому материалу»¹⁾.

О какомъ «читающемъ» идеть рѣчь? О такомъ ли, который подобно г. Соболевскому знаетъ только великорусское нарѣчіе, а малорусского *не знаетъ*?.. Или о такомъ, который основательно знаетъ *оба* нарѣчія? — Если рѣчь идеть о второмъ, то я (природный малорусъ изъ Киевщины, безукоризненно знающей свою родную рѣчъ, и притомъ филологъ, кропотливо изучившій исторію малорусского языка) могу заявить, что близость кievско-лѣтописнаго синтаксиса и кievско-лѣтописнаго словарнаго запаса къ великорусскому материалу можетъ быть усмотрѣна *лишь* та-кая, какая вообще можетъ существовать между малорусскимъ и великорусскимъ синтаксисомъ и словаремъ.

Въ особенности поразительна первая половина утвержденія г. Соболевскаго: про синтаксисъ. Мы даже не вѣрится, чтобы г. Соболевскій хотѣлъ своими словами сказать, будто въ кievской лѣтописи онъ нашелъ *спеціально-великорусский* синтаксисъ. Такое заявленіе никогда не могло бы быть поддержано со стороны г. Соболевскаго реальными доказательствами. Повторяю, что, зная очень твердо, какъ современный, такъ и старый малорусский языкъ, а въ частности рѣчъ моей родной Киевщины, я рѣшительно заявляю г. Соболевскому въ этомъ органѣ Академіи Наукъ, передъ лицомъ всего ученаго славянскаго міра, что

1) *Ізвѣстія*, указ. мѣсто, стр. 320.

г. Соболевский не въ состояніи будетъ указать во всей Начальной и Киевской лѣтописи *ни одною* синтаксического оборота, который былъ бы *специально великорусскимъ* и отсутствовалъ бы или въ современной или въ старинной малорусской рѣчи. А кто не помнить замѣчательной характеристики стиля кievской лѣтописи великорусса Соловьева, который такъ рельефно отличаетъ живой малорусско-сангвинический стиль кievской лѣтописи отъ сухого, дѣловитаго стиля великорусскихъ лѣтописей?

Точно также, что касается словарного запаса старокievской лѣтописи, то, какъ мы видѣли, г. Соболевский могъ выудить въ лѣтописи только три якобы великорусскихъ слова, и тѣ при пропѣркѣ оказались сугубо-малорусскими. Если же онъ ощущаетъ сходство отдѣльныхъ (малорусскихъ) словъ кievской лѣтописи съ отдѣльными словами, выхваченными въ раздробь изъ того или другого великорусского нарѣчія, то не мѣшало бы г. Соболевскому имѣть въ виду, что *нѣтъ* такого великорусского нарѣчія, въ которомъ кievско-лѣтописныя слова констатированы были бы въ большей или меньшей *совокупности*. Я же, малорусъ, наоборотъ поражаюсь замѣчательной *совокупной* близостью старокievской рѣчи къ современной рѣчи сѣверной и средней Кіевщины. Множество предметовъ и понятій въ нынѣшней сѣверной и средней Кіевщинѣ XX вѣка до сихъ поръ сохранили огромной массой то же свое старинное название, какое они имѣли въ кievской лѣтописи XI—XIII вѣка, — тогда какъ въ Великороссіи эти же слова (да и то далеко не всѣ) если и можно разыскать, то развѣ по одиночкѣ, въ раздробь: одно слово найдется въ одномъ великорусскомъ говорѣ, другое — въ другомъ; найдутся они въ говорахъ разнаго типа, въ отдаленныхъ другъ отъ друга говорахъ и употребляются въ совсѣмъ разныхъ концахъ Великороссіи, а никакъ не суммарно и цѣльно въ одномъ какомъ-нибудь великорусскомъ говорѣ¹⁾). И вполнѣ очевидно для всякаго

1) При помощи *сборника «Толковаго словаря живаго великорусскаго языка* (со включеніемъ бѣлорусскаго!)

Далія, очень не трудно натаскать изъ разныхъ великорусскихъ закоулковъ великорусскія (— бѣлорусскія!) слова, сходныя не

безсторонняго суды, что близость между лѣтописно-кіевскимъ словаремъ и тою великорусскою аггломератною словарной кучкой, которая мозаично и разрозненно будетъ надергана изъ совершенно неблизкихъ другъ къ другу разныхъ великорусскихъ говоровъ, не можетъ быть равной по цѣнѣ съ *массовою* близостью малорусского словарного материала современно-кіевского (съверной и средней Кіевщины) со словарнымъ материаломъ кіевско-лѣтописнымъ. Это надо сказать даже про категорію словъ, наиболѣе склонныхъ къ измѣненію: про названія домашнихъ предметовъ, названія животныхъ, растеній, цветовъ и т. п., которые такъ поразительно сходны въ домонгольской Кіевщинѣ лѣтописной и въ малорусской Кіевщинѣ нынѣшней¹⁾). И я сомнѣваюсь, чтобы *непредупрежденный* великорусъ, видя съ одной стороны—*суммарную* близость старо-кіевскую и *нынѣшне-кіевскую* (поразительную суммарную словарную близость!), а съ другой стороны—видя лишь *искусственно составленную* близость съ *великорусскимъ* словаремъ, достигнутую при помощи *мозаичныхъ* надергиваній изъ Даля или изъ старорусскихъ «Материаловъ» Срезневскаго, согласился признать въ старо-кіевскомъ словарѣ свое великорусское достояніе. Я убѣжденъ, что, въ виду такого положенія дѣль, какая-нибудь кіевско-лѣтописная «котэка», сидящая на «присѣпѣ» и умильно глядящая на «голубиникъ», пока не будетъ облита *укропомъ* изъ *иѣлька*, или вспугнута *хэртэзъ*-омъ, покажется для безтенденціознаго великорусса не великорусской кошкой, а предкомъ нынѣшней кіевской «кітки», сидящей на

только съ малорусскими, во и съ другими славянскими, — скажемъ, даже болгарскими. Гдѣ-нибудь на холодномъ съверѣ можно выудить даже такое, казалось бы, типично-болгарское слово, какъ «голѣмъ» (=большой); срв. вятское «голямый» (=высокорослый, верзило).

1) Я имѣю въ виду главнымъ образомъ только то пространство нынѣшней Кіевской губерніи, которое тянется лишь до р. Роси, служившей и въ старину южнымъ предѣломъ Кіевскаго Полянскаго княжества. Южнѣе же р. Роси нынѣшнее малорусское населеніе — ужъ пришлое, происходящее не только изъ средней и съверной Кіевщины, но и съ запада. Самое нарѣчіе къ югу отъ р. Роси кое-въ-чемъ ужъ отличается отъ нарѣчія средней и съверной Кіевщины, являющагося чистымъ потомкомъ старого полянского.

«присыпі» и глядящей на «голубник» (=голубятникъ). «Гъльктъ»¹⁾ окажется современнымъ киевскимъ «глекомъ» (=кувшиномъ) и «укропъ»—не огороднымъ растенiemъ (какъ прежде всего склоненъ бытъ бы подумать нынѣшній великоруссъ), но просто кипяткомъ (что легко можетъ разъяснить любая сельская баба изъ Киевщины); а киевско-лѣтописный «хъртъ» будетъ для безтенденціознаго великорусса несомнѣннымъ предкомъ нынѣшнихъ киевскихъ «хортівъ» (=охотничихъ собакъ), который и въ X—XII вѣкѣ, какъ и его малорусскій потомокъ-«хортъ» теперь, устраивалъ «ловы» (=мр. «лѣви», т. е. охоту) на «погану котъку» (=мр. «погану кітку»), словно па «спѣверицю» (=мр. «сивірію», т. е. бѣлку). Пусть великоруссъ посмотритъ и на вѣнчній обликъ «господаря» (мр. «господар» = хозяинъ) этого лѣтописнаго «хорта»: пусть посмотритъ на старокиевскаго княжескаго «меченошу» (мр. «меченбша»=меченосецъ), въ роскошной «лудѣ» (мр. «луда» = Deckmantel, или мр. «луданъ» = mit Gold reich gesticktes Unterkleid); у такого «меченоши» за спиной или у бока найдется, пожалуй, и «стопоръ» (мр. «стопір» — особое оружіе), оплетенный у рукояти для удобства «паворозами» (мр. «павороза», «повороза»=шнуровъ)²⁾. А что это за лѣтописный «стопоръ», объ этомъ могутъ разсказать даже нынѣшніе обезоруженные малоруссы «козацкаго сословія» съ сѣверной стороны Киева, но еще лучше будетъ справиться у горца-гуцула, который вамъ съ полной точностью и наглядностью объяснить, какое это оружіе—лѣтописный «стопоръ» и нынѣшній малорусскій «стопір» (персид. سپر): какъ ни какъ, его надо всежъ отличать отъ дровосѣцкаго оружія «сокири» (лѣтоп. «сѣкыра», «секыра»), которой тялися лѣтописныя «трѣски» и рубятся (мр. «стнуться») соврем. малорусскія «трѣски» (=щепки). Про послѣднія (лѣтописныя «трѣски») можно было бы навѣрное справиться вонъ-тамъ за киевской лѣтописной

1) Беру это слово изъ Несторова «Житія Феодосія Печерскаго».

2) Интересно, что и по-малорусски и по лѣтописно-киевски слово «павороза» есть женскаго рода, тогда какъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ оно попадается, сколько известно по словарямъ, лишь въ мужскомъ родѣ.

«рѣчью» (мр. «рінъ» = отмель), возлѣ лѣтописной «гати» (мр. «гать» = плотина, запруда), гдѣ и въ лѣтописный періодъ работаютъ съ «сѣкырами» и «мыскарями» (мр. «лискар», рискаль = заступъ) кіевско-лѣтописные «паробѣкы», предки нынѣшнихъ кіевскихъ «паробків», одѣтые такъ же, какъ и нынѣшніе «паробки», зимою въ «коожухы» (мр. «коужух» = тулузъ), а лѣтомъ — въ свои типичныя «свity» (мр. «свита» = сермяга) изъ «озлы» (мр. «з вовни» = шерстяныя)...

Сколькохъ нынѣшнихъ великоруссовъ изъ разъединенныхъ провинціальныхъ захолустій, изъ-за три-девяты земель отъ Кіевщины, пришлось бы выѣсть собрать для того, чтобы они совмѣстными силами съумѣли объяснить на основаніи живого великорусского языка если не всѣ, то хоть нѣкоторыя изъ этихъ кіевскихъ лѣтописныхъ словъ, свободно объясняемыхъ изъ нынѣшней кіевской малорусской рѣчи! А подобныхъ словъ можно набрать изъ Кіевской лѣтописи цѣлую гору, — и нефилологи-великоруссы, обыкновенная публика, будуть чувствовать себя передъ этимъ старо-кіевскимъ словаремъ, выражаясь по лѣтописному, «невѣгласами» (мр. «невіглас» = невѣжда). Только по капелькамъ, одно по одному, эти слова (и то не всѣ) могутъ быть выисканы въ разрозненныхъ великорусскихъ говорахъ или въ старыхъ великорусскихъ рукописяхъ, — да и тамъ часто подъ сомнѣпіемъ, нѣ заимствованы ли они изъ южнорусскихъ оригиналловъ. И все же въ концѣ концовъ окажутся и въ Кіевской лѣтописи, и въ другихъ спискахъ кіевскихъ памятниковъ исключительно-малорусскія слова и обороты, известные только у малоруссовъ¹⁾), совершенно чужды великоруссамъ. Да ужъ передъ однимъ союзомъ та (въ смыслѣ «и»), который мы знаемъ въ лѣтописной рѣчи Бориса и Глѣба и Владимира Мономаха и въ рѣчи нынѣшихъ малоруссовъ, великоруссъ, остановится въ

1) Въ лучшемъ случаѣ — и у бѣлоруссовъ, потому-что бѣлорусскій словарь запасъ близокъ къ малорусскому. Извѣстно, что Миклошичъ и другіе считаютъ бѣлорусское нарѣчіе вѣтвью малорусскаго, а не великорусскаго.

недоумѣніи; и старые великорусские памятники, не знаютъ союза та въ смыслѣ «и»¹⁾), въ противность старымъ памятникамъ малорусскимъ, въ томъ числѣ и западнымъ, исконную малорусскуюсть которыхъ признаетъ и г. Соболевскій²⁾). Гдѣ, кромѣ Малороссіи, «горстъ» называется «пригорща»? А вѣдь такъ (*сприграща*) оно называется въ Несторовомъ «Житіи Феодосія»³⁾). Можетъ ли какой-нибудь великорусский говоръ похвальиться, что «ничить трава жалощами» въ Словѣ о полку Игоревѣ (оно составлено или въ Киевѣ, или въ Черниговѣ) есть для него буквально-родная великорусская фраза? А современный малорусъ Кіевщины и Черниговщины и сейчасъ буквально такъ скажетъ⁴⁾). Но особенно интересно посмотреть на кіевско-глагольское слово *мъпокъ* и связанное съ нимъ сказаніе.

Дѣло происходитъ въ новооснованномъ Печерскомъ «манастырѣ» (=манастирѣ), гдѣ святые подвижники, набожно спасаясь каждый въ своей «печерѣ» (=печерѣ) и съѣдая въ день лишь по скучной «единой проскурѣ» (=по единїй проскурї), приготовленной часто даже изъ «жита» (=із жита, т. е. изо ржи), а не изъ бѣлага «борошна» (=мр. «борошна», т. е. муки), достигали дара чудесъ. Старецъ Матвѣй получилъ тамъ даръ прозорливости. И одинъ разъ, стоя на всенощномъ богослуженіи въ церкви «предъ зорями» (=передъ зорями), старецъ увидѣлъ, какъ по церкви ходить бѣсь-служитель въ образѣ разряженного ляха, «въ лудѣ» (=в лудѣ, — или быть можетъ, = въ жупанѣ-луданѣ), и онъ носитъ «въ приполѣ» (=въ приполѣ) цветы, «иже глаголется мъпокъ». На кого изъ молящейся братіи бѣсьляхъ бросить цветокъ-«мѣпокъ» и къ кому этотъ цветокъ при-

1) См. материалы, сопоставленный въ древне-русскомъ словарѣ Срезневскаго, II, стр. 909.

2) Между прочимъ укажемъ употребление та (въ смыслѣ «и») въ буковинскихъ грамотахъ XV в. (см. Уланницк. № 95, № 106 и др.).

3) По изд. Поповыми списку XII—XIII в., л. 29 б. См. у меня «Филология и Погодинская гипотеза», стр. 66—69. Ср. еще словарь Срезневскаго, т. II, стр. 1897.

4) Срв. у Кулиша въ «Досьвѣтках» (по изд. 1876 г.), стр. 20 (=Кумейки, VI).

становь, тогъ сейчасъ начинаеть дрематъ и уходитъ изъ церкви въ келью. Этотъ лѣтописный разсказъ¹⁾ общеизвѣстенъ, но никто до сихъ поръ изъ русскихъ ученыхъ не далъ разъясненія, что это за «лѣпокъ»²⁾, потому-что никакой цвѣтокъ нигдѣ въ Великороссіи, ни въ одномъ великорусскомъ нарѣчіи, не называется «лѣпокъ», а къ рѣчи современныхъ киевскихъ малоруссовъ обратиться не догадались. Въ современной же Киевщинѣ (какъ впрочемъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Украины) «лѣпокъ»— это *Asperula* (растеніе изъ семьи *Rubiaceae*, научно переводимое по русской книжной ботанической терминологіи словомъ «шерошница»). «Лѣпкомъ» въ Киевщинѣ называется— какъ грубая *Asperula Aparine* (по-великорусски «сеплюга», по-польски *ost-gusza*), такъ и пріятная *Asperula odorata* (по-великорусски «ясменникъ», или «есменикъ», по-польски *marzanka wonna*)³⁾. Судя по лѣтописному контексту, обаятельный «лѣпокъ», находившійся у бѣсовскаго ляха «в приполѣ», былъ *Asperula odorata*, т. е. ясменникъ.

1) См. въ Лаврент. сп. стр. 184—185 (подъ 6582 г. = 1074); въ Ипат. сп., стр. 184. Въ Печерскомъ Патерикѣ, по изданію В. Яковлева (1872), см. стр. 77—78.

2) Такъ, словарный указатель предметовъ, приложенный къ археологическому изданію Лаврентьевскаго списка (подъ ред. акад. Бычкова), объясняетъ: «Лѣпки— приворотное зелье» (стр. 58).— Такой же указатель къ изданному той же Археографической комиссией Ипатьевскому списку гласитъ: «лѣпокъ— цвѣтокъ» (стр. 6).— Неподписанное московское переизданіе: «Лѣтоись преп. Нестора по Лаврентьевскому списку съ приложеніемъ словаря древнихъ русскихъ словъ» (М. 1864) совсѣмъ пропускаетъ въ словарѣ (на стр. 188) слово «лѣпокъ», какъ неподдающееся точному разъясненію.— Очевидно по той же причинѣ не вошло оно и въ «Материалы для словаря древне-русскаго языка» А. Дювернуа (М. 1894), срв. стр. 92. Въ «Материалахъ для словаря древнерусскаго языка» И. Срезневскаго находится то же недоуменіе: «Лѣпѣкъ—название цвѣтка... можетъ быть, репей»; т. II (Спб. 1902), стр. 74.

3) Въ «Малоруско-німецкімъ словарі» галичанина Желеховскаго слово «лѣпокъ» переведено только: *Asperula odorata*. Но я изъ личнаго опыта знаю, что въ Киевщинѣ «лѣпкомъ» называется не только *Asperula odorata*, но и *Asperula Aparine*, въ особенности чѣмъ дальше къ югу, къ степямъ. (А начиная съ границы Херсонской губерніи и далѣе по южной степи душистая *Asperula odorata* перестаетъ даже называться «лѣпокъ», и называется тамъ она ужъ «остудникъ» (такъ же «есмілка»); подъ «лѣпкомъ» тамъ понимаютъ ужъ одну грубую *Asperula Aparine*).

VI.

Свои замѣтки о мнимой немалорусскости Начальной и Киевской лѣтописей г. Соболевский заканчиваетъ заявлениемъ, что имъ «чужды обычныя малорусскія слова, какъ *кохати*, *иай*, *кельтъ* (съ *к*)».

Но вѣдь словъ *кохати* и *кельтъ* нѣть также ни въ галицко-волынской лѣтописи, ни въ галицкихъ и волынскихъ грамотахъ и ни въ одномъ удостовѣренномъ старо-галицкомъ или старо-волынскомъ памятнике, — и однако даже г. Соболевский не рѣшается сдѣлать отсюда выводъ о непринадлежности старыхъ галичанъ и волынянъ къ малоруссамъ. Надо, конечно, полагать, что и *кохати* и *кельтъ* издавна существовали какъ въ старомъ Кіевѣ, такъ и на Волыни съ Галичиною, но они не попали въ лѣтописи, въ грамоты и вообще на письмо въ силу чисто случайныхъ причинъ. Вѣдь не весь словарный домонгольскій материалъ старой Кіевщины съ Черниговщиною, Волыни и Червонной Руси переданъ намъ тѣми немногочисленными письменными памятниками, которые до насъ дошли.

Намекъ на слово *кохати*, отсутствующее въ подлинныхъ галицкихъ и волынскихъ памятникахъ, г. Соболевский видѣть въ собственномъ имени *Коханъ* писца «Житія Савы Освященного» XIII в. и произвольно называетъ рукопись этого житія «галицко-волынской». Если мы даже согласимся съ г. Соболевскимъ, что собственное имя писца есть въ самомъ дѣлѣ, страдательное причастіе отъ «кохати»²⁾ и притомъ не принадлежитъ къ разряду тѣхъ именъ, которыя усвоены отъ поляковъ, то и тогда г. Соболевскій долженъ будеть сперва доказать, что переписчикъ «Житія Савы Освященного» былъ галичанинъ или волынянинъ. Ру-

1) «Ізвѣстія», 1905, кн. 1, стр. 320.

2) Это имя легко можетъ быть простой передѣлкой общезнѣстнаго тюрко-казарскаго **خاتان** или **خان**, известнаго еще въ орхонскихъ надписяхъ.

копись эта найдена въ Палестинѣ, и въ ней ни слова не сказано о томъ, кто и откуда былъ ея писецъ. Всѣ филологи, кому приходилось имѣть дѣло съ нею, въ одинъ голосъ заявляютъ, что это не можетъ быть памятникъ ни галицкій, ни волынскій¹⁾. Пока г. Соболевскій не докажетъ противнаго, ссылаясь на этотъ спорный памятникъ для рѣшенія какого бы то ни было спеціальнаго вопроса о рѣчи галичанъ и волынянъ—не приходится.

Но если для слова «кохати» г. Соболевскій скъумѣлъ предложить ссылку хоть на какой-нибудь сомнительный документъ, представляющій хоть нѣкое отдаленное подобіе аргумента, то по отношенію къ слову *кельтъ* онъ даже и этого сдѣлать не могъ: нѣтъ такихъ старыхъ галицкихъ или волынскихъ памятниковъ, где бы попадалось это слово съ буквою *к*. Мы впрочемъ не понимаемъ, почему слово *кельтъ*, присущее и нарѣчию бѣлорусскому²⁾ и великорусскому (псковск., тульск., смоленск., курск., воронеж.)³⁾, въ данномъ случаѣ снисходительно признается г. Соболевскимъ за достаточную мѣрку для установленія немалорусскости той рѣчи (= киевской), въ памятникахъ которой это слово *не окажется* (хотя бы случайно). Когда дѣло касается наличныхъ малоруссизмовъ старого Киева, г. Соболевскій не бываетъ такимъ уступчивымъ. Или, быть можетъ, онъ не зналъ, что слово *кельтъ* существуетъ въ великорусскихъ говорахъ?

Еще большее недоумѣніе возникаетъ у насъ по поводу той рѣщающе-диалектологической роли, которую г. Соболевскій придаетъ слову *гай*. Оно извѣстно всѣмъ безъ исключенія славянскимъ языкамъ, и великорусскому въ томъ числѣ⁴⁾. Микло-

1) Они готовы отнести его къ Киеву, но это невозможно, потому что «Житіе Савы Освященнаго» содержитъ въ себѣ черты, рѣзко противорѣчащія языку безспорныхъ киевскихъ памятниковъ—Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 г. Тщательное изученіе «Житія Савы» не оставляетъ во мнѣ ни малѣйшихъ сомнѣній, что переписчикъ былъ бѣлоруссъ.

2) Старѣйшій бѣлорусскій документальный примѣръ—вѣроятно, тотъ, который имѣется въ спискѣ «Привилея 1499 г. мѣсту Минскому». (= № 68 въ Мухановскомъ сборнике, М. 1836): «квѣтъ мушкатовый» (стр. 96).

3) Толковый словарь Даля, 1865, т. II, стр. 719.

4) Словарь Даля, т. I, стр. 301 (1863 г.).

шиль въ своемъ этимологическомъ словарѣ съ полнымъ основаниемъ называетъ это слово старо-славянскимъ¹⁾). Къ нему есть параллель и въ литовскомъ *gojus*, и во многихъ европейскихъ языкахъ, и въ средневѣковой латыни²⁾). Не можетъ быть сомнѣнія, что это праславянское слово, донынѣ распространенное отъ Адриатического моря до Тамбова, было известно и старому Киеву. Но, только, какую же рѣшающую силу для выясненія этнографіи древняго Киева можетъ оно имѣть?

VII.

Собственно вотъ и все, что я долженъ былъ указать г. Соболевскому по поводу его сомнѣній на счетъ малорусскости старокievского *домонгольской* говора. Но въ статьѣ г. Соболевскаго есть еще одна, небольшая глава, посвященная двумъ кievскимъ монастырскимъ помянникамъ периода ужъ не домонгольского, а гораздо болѣе поздняго: конца XVI вѣка. Суть этой главы—въ томъ, что на спорадическихъ формахъ нѣсколькоихъ именъ какъ-бы великорусского и белорусского типа, внесенныхъ въ помянники какимъ-то монахомъ или богомольцами, которые могли приходить въ Кіевъ на поклонъ отовсюду и которые, въ томъ числѣ, могли конечно приходить и изъ Бѣлоруссіи и изъ Великоруссіи, г. Соболевскій хочетъ построить доказательство, будто даже въ концѣ XVI вѣка Кіевъ не былъ еще малорусскимъ. Между тѣмъ общиі фонѣ кievскихъ помянниковъ—рѣзко малорусскій, и кишатъ они специально малорусскими именами.

Ужъ просто съ методологической стороны этотъ приемъ г. Соболевскаго не выдерживаетъ критики. Мало ли вѣдь изъ

1) *Etymologisches Wörterbuch*, стр. 59.

2) Срв. *Leges Langobard.*, Bothar. CCCXXV: «Si quis accipitres de silva alterius tulerit, excepto de gajo regis, habet sibi». См. у Срезневскаго: «Материалы для древне-русс. слов.», т. I, стр. 508.

какихъ концовъ православнаго міра могли приходить богомольцы на поклонъ славнымъ киевскимъ святынямъ и даже поступать въ монастыри¹⁾! И можно ли по именамъ пришлыхъ богомольцевъ, записывающихся въ помянникъ или по записямъ монаховъ «зъ Москви» (какъ они титулюются въ киевскихъ помянникахъ) заключать объ этнографической принадлежности коренного киевского населения? А на какомъ языке говорило тогдашнее коренное киевское население, объ этомъ мы легко можемъ судить по подлиннымъ тогдашнимъ памятникамъ изъ Киевщины: они— малорусского характера. Достаточно вспомнить грамоту киевского князя Семена Олельковича, писанную въ Прилукѣ за Днѣпромъ въ 1459 году²⁾. Получилъ ее мѣстный землевладѣлецъ Іеремія Шашко для «зоставленья» его при «всю отчинѣ его и дидизнѣ его», «которыхъ (такъ говорить князь) продкове его отъ продковъ моихъ спокойне держали и заживали». Грамота эта полна типичныхъ малоруссизмовъ, такихъ какъ замѣстительная долгота («при всюю», «при томъ всюю», «внъ» (=онъ), смѣшеніе Ѳ и и («оними», «малими», «дидизни» = дѣдизны), смѣшеніе въ и оу («оупадаетъ» вмѣсто «падаетъ»), протетический призвукъ и («изъ лѣсомъ», «изъ головою», «изъ стѣнъками»), такія формы, какъ «боудетъ хотѣть», «ознаймуемо», «дали есмо», «съ обудухъ», «зо всѣмъ тымъ» и т. п. Какъ видимъ, вокругъ Кieва жили тогда чистѣйшіе малоруссы.

Располагая такими достовѣрными памятниками, какъ грамоты, которые свидѣтельствуютъ о малорусскости тогдашней Киевщины³⁾, мы могли бы не придавать ни малѣйшаго значенія

1) Мы очень часто находимъ въ этихъ киевскихъ помянникахъ совершенно ясныя обозначенія: «Анисіі з Москви», «Агрипини Московки», «Евдоксія, инооки з Москви, з столицъ», «Союї иноокини з Москви», «Аоанасія, инооки з Москви», Семиона Москала», «іеромонаха Аеанасія (Лексей Московский) и пр., и пр.

2) Ср. о ней у меня въ «Филологіи и погодинской гипотезѣ», стр. 82.

3) Перечень ихъ см. въ моей «Украинской грамматикѣ», § 7, въ слѣд., въ главѣ: «Источники».

богомольческимъ помянникамъ XVI вѣка, содержи они въ себѣ даже наполовину имена немалорусскія. На самомъ дѣлѣ однако помянники вовсе не изобилуютъ антималоруссизмами. Самъ г. Соболевскій не оспариваетъ того, что *общій* фонъ кіевскихъ помянниковъ есть малорусскій. И даже тотъ коротенький перечень именъ, который выуженъ изъ него г. Соболевскимъ въ качествѣ именъ типа великорусского или бѣлорусского, составленъ имъ ошибочно: плохо зная малорусскую рѣчь и ея фонетику, г. Соболевскій отнесъ къ немалорусскимъ имена, являющіяся вполнѣ обычными вообще у малоруссовъ, а въ частности — очень употребительныя и въ Галичинѣ (съ Подоліем), исконную малорусскость которой никогда и г. Соболевскій не рѣшался оспаривать. Такими вполнѣ малорусскими именами (а не бѣлорусскими и не великорусскими, какъ того желалъ бы г. Соболевскій) оказываются:

а) Алексей — со звукомъ *с*. Прошу взять любую галицкую малорусскую газету — и убѣдиться, до чего имя «Алексей» обычно у галицкихъ малоруссовъ. Для примѣра беремъ какіе-нибудь номера газеты «Руслан» за нынѣшній 1906 годъ; въ № 31-омъ читаемъ: «Алексей Лебедович — въ с. Манастирі, Ярославскаго деканату» (стр. 4); въ № 58-омъ: «Ходить чутка, що Алексей тяжко занедужав» (стр. 4). Объ аналогичномъ малорусскомъ имени «Макей» (=Мокій) мы скажемъ ниже. То же легко найти въ «галицко-волынскихъ» рукописяхъ. Напр., въ волынской записи 1740 г. изъ-подъ Острога, типично-простонародной малорусской (б изображается черезъ ф!), сдѣланной на Язловецкомъ евангеліи Волынского епарх. музея, мы читаемъ: «при Алексею Мандзюкови» (л. 113 об.).

б) Имена со звукомъ *л* вмѣсто *в*, — такія, какъ «Елтухъ» вмѣсто «Евтухъ» и «Елхимъ» вмѣсто «Евхимъ». Въ кіевскомъ помянникѣ XVI в. оказываются записи: «Елтуфій», «Елхимъ» и «Елфимія», — и г. Соболевскій вспоминаетъ при этомъ, что «это *л* изъ *в* нерѣдкость въ южно-великорусскихъ говорахъ Орловской

и Курской губерніи, гдѣ говорять: *Алдотья, Алдакея, Алдакимъ*¹⁾. Не къ чему вспоминать *аналогичныя* великорусскія имена со звукомъ *л*, если мы находимъ у малоруссовъ со звукомъ *л* *тѣ самыя* имена, которыя приведены въ кіевскомъ помянникѣ. Достаточно было бы г. Соболевскому вспомнить мѣстечко «Ялтушківъ» Подольской губерніи недалеко отъ г. Бара, чтобы убѣдиться въ полной малорусскости именъ со звукомъ *л* изъ *в*. По грамотамъ имя «Елтухъ» можно констатировать впервые въ перемышльской (галицкой) жалованной граматѣ якобы кн. Льва 1302 г., поддѣланной въ Перемышлѣ не позже XV вѣка (когда эта грамота была официально подтверждена польскимъ правительствомъ): «до Юльтуховы росохы», «отъ Юльтуховы». Имя «Еахимъ» впервые попадается (сколько помню) въ малорусской Кобринской грамотѣ 1465 г.²⁾. Появленіе у малоруссовъ XV—XVI в. звука *л* вм. въ мы по документамъ можемъ констатировать не только въ этихъ двухъ именахъ собственныхъ, но и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ Луцкомъ (=зап.-волынск.) актѣ 1583 года³⁾ вторникъ названъ «волторокъ» (=совр. «вівторокъ»). Мы ужъ и не говоримъ о нефонетическихъ случаяхъ появленія звука *л* въ причастіяхъ и дѣепричастіяхъ прош. вр. въ малорусскихъ памятникахъ XVI вѣка. Такъ, въ Четвероевангеліи XVI в. изъ м. Яэловца (въ Галичинѣ), которое теперь хранится въ Волынскомъ епарх. музейѣ, очень нерѣдки написанія вродѣ слѣдующихъ: «послѣди же приступилше два лъжасвѣдитель рѣша», «приступилше стоящи рѣша», «они же приступилаше», «и оставилаша его єтидоша», «тогда ученици оставилаше его бѣжаше», «многымъ лъжесвѣдителямъ приступилашимъ» и пр., и пр.

в) Имя «Малафей», или «Малофей» (=Малахія), съ написаніемъ *ф* вмѣсто *х*. По мнѣнію г. Соболевскаго, это—великорусс-

1) «Ізвѣстія», стр. 321.

2) Кобринская грамота 1465 г. изд. въ «Актахъ, относ. до исторіи Южн. и Зап. Росс.», т. I, № 226, въ копіи XVI вѣка.

3) «Русская Бесѣда», 1857, т. III, 37.

сизмъ и антималоруссизмъ. Но вѣдь такую же ореографію мы находимъ и въ галицкихъ грамотахъ: «Малофѣй» — въ запродажной грамотѣ 1409 г., «Малофѣй» — въ Зудечовской грамотѣ 1421—1430 г. Обѣ грамоты изданы печатно¹⁾, и познакомиться съ ними было бы не трудно. Вообще малоруссы, какъ въ старину, такъ и теперь — часто пишутъ въ иностранныхъ словахъ букву *ф* вмѣсто *х* въ силу стремленія писать якобы этимологично и изъ страха впасть въ вульгаризмъ. Писецъ-священникъ Галицкаго Евангелия 1266—1301 г. обратилъ на письмѣ г. Іерихонъ въ «Ерифонъ» (л. 66, л. 101 об.) и Амфилохія — въ «Амфилофія» (л. 156). Въ рукописи XVII вѣка кіевскаго Софійскаго собора (№ 130) боязнь вульгаризма заставила писца написать *ф* даже въ своемъ родномъ корнѣ «страхъ»: «велми грозно страфовалъ» (л. 158; = запугивалъ).

г) «Саламонъ» и «Саламія». Звукъ *а* (вмѣсто *о*) въ этихъ именахъ чрезвычайно употребителенъ въ малорусскомъ произношениі въ силу уподобленія предыдущему слогу, а вовсе не есть признакъ аканья, какъ думаетъ г. Соболевскій. Срв. въ рукописномъ галицкомъ сборнике виршей около 1780-го года, принадлежащемъ Ив. Франку: «Саламона-князя»²⁾. До настоящаго времени въ Галичинѣ преобладаетъ въ этомъ имени употребленіе звука *а*, а не *о*. Извѣстенъ недавній галицкій церковный дѣятель Саламонъ Щасный. — Не есть результьтатъ аканья также присутствіе буквы *а* въ записи помянника: «Евдакимъ» и «Евдакѣя», потому что въ самыхъ чистыхъ малорусскихъ говорахъ мы можемъ донынѣ услышать не только «Явдокимъ», но и «Явдакимъ» (по ассимиляціи второго слога съ начальнымъ слогомъ), причемъ имѣется также уменьшительная форма съ ударнымъ звукомъ *а* (Евдакъ, Явдакъ)³⁾, устраняющая всякую мысль объ аканью.

1) См. по изд. Головацкаго № 80 и № 40.

2) См. «Житіе і Слово» 1894, кн. I, стр. 47.

3) См. «Рідний Край», 1906, № 44, стр. 14.

д) «Сафонъ», «Макей», «Радионъ», «Фатіанъ». Буква *a*, написанная помянниками въ этихъ именахъ, тоже не есть признакъ аканья, въ противность мнѣнію г. Соболевскаго. Первое имя сближено съ «Іоасафъ», второе—приурочено къ словамъ «макъ» и «Маковей», третье—къ словамъ «радъ», «радїти», четвертое—къ корню «хватъ», — и въ нихъ самые чистые малоруссы должны произносять *a*. Отъ «Макей» существуетъ даже особая типичная уменьшительная форма «Макейша» и, извѣстная на Подольи, фамилія «Макейшенко»; срв. документъ крестьянина-собственника Брацлавскаго уѣзда Подольской губерніи Ковалевской волости — Ивана Макейшенко¹⁾; звукъ *e* въ этомъ имени, представляющейся г. Соболевскому немалорусскимъ, какъ видимъ, оказывается тоже вполнѣ малорусскимъ²⁾. Написаніе «Фатіанъ» съ буквою *a* можетъ указать въ галицкомъ сборникѣ апокрифовъ XVII вѣка изъ коллекціи И. Франка³⁾. Въ имени «Радивон» употребленіе малоруссами звука *a* можетъ считаться даже всецѣло господствующей нормою, и, напримѣрь, село Чигиринскаго уѣзда, официально пишущееся «Родіоновка», называется жителями «Радивонівка». Со звукомъ *a*, а не съ *o*, это имя фигурируетъ ужъ и въ наиболѣе старыхъ дошедшихъ до насъ галицкихъ грамотахъ. Такъ, въ Перемышльской купчай грамотѣ 1359 года читаемъ: «Купилъ панъ Петрашъ дѣдичтво панъны Радивонъково»⁴⁾. — Что звукъ *a* въ этомъ имени (и въ

1) Изданъ П. Чубинскимъ въ VI томѣ «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», Спб. 1872 г., стр. 312—318.

2) Да и вообще многія малорусскія имена (и слова) обладаютъ двумя параллельными формами: на *й* и *ей*. Сверхъ упомянутыхъ здѣсь «Макей» и «Олексей» напоминаютъ такія общеизвѣстныя имена, какъ «Андрій» (род. «Андрія» параллельно съ «Андрей» (род. «Андрея»), «Маковій» (род. «Маковія») параллельно съ «Маковей» (род. «Маковея») и пр.

3) См. по изданію И. Франка: «Пам'ятки українсько-русської мови і літератури», т. IV (Львів 1906), стр. 276.

4) Грамота и печатно издана,—плоховато впрочемъ,—у Як. Головацкаго: Памятники дипломатического и судебнно-дѣлового языка русского (Львовъ 1867), № II, стр. 5, и у П. Житецкаго: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія (Кievъ 1876), стр. 353.

аналогичныхъ) не есть результатъ аканья, видно также изъ памятниковъ бывающихъ нарѣчій великорусскихъ; «Радивонъ» и прочія подобныя имена встречаются въ Новгородскихъ и Двинскихъ грамотахъ XIV вѣка¹).

е) Ничего противомалорусского не содержать въ себѣ также имена киевскихъ помянниковъ, начинающіяся на *A*: *Аксенія* (или *Аксинія*), *Авдотья*, *Алиферій* (и специальнѣе — «*Алеоерь зъ Остря*»), *Анофрей*, *Анисимъ*, *Анисифоръ* и тому подобныя имена, въ которыхъ начальный звукъ *A* или оказывается эвфоническимъ протезисомъ (срв. *Аксенія* — *Ξενία*), или соответствуетъ греческимъ *E* и *O* (срв. *Алеоерь* — *Ἐλευθέριος*, *Анисимъ* — *Ουγῆσιμος*). Г. Соболевскій многократно повторяетъ²), будто бы начальное *A* этихъ именъ есть результатъ великорусского аканья. Аканьемъ это не могло бы быть ужъ просто потому, что аканье, какъ признаетъ самъ г. Соболевскій³), возникло лишь въ XIV вѣкѣ, — между тѣмъ вышеотмѣченное появленіе начального *A* мы можемъ наблюдать еще въ памятникахъ XI вѣка. Такъ, въ «Словахъ Григорія Богослова» XI вѣка греческое *Ὀλύμπιος* передано черезъ «*Алюмпъсъи*» (л. 284, об.), а греческое *Ναδάζ* — черезъ «*Анадавъ*» (л. 256)⁴), затѣмъ имя «*Алимпій*», «*Алимпіада*» часто попадается въ галицкихъ памятникахъ, — между прочимъ въ недавно изданномъ съ киевскими помянниками. Имя «*Алиферій*» (съ *A*) укажемъ въ галицкомъ апокрифѣ XVIII вѣка Ивана Кузикевича⁵). Галицкое начертаніе «*Ануфрий*» встречается въ т. н.

1) См. напр. тотъ материалъ, который представляетъ собою коллекцію Румянцевскаго музея № 67.

2) *Ізвѣстія*, стр. 323; *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897, май, стр. 49; *Лекціи*, 1903, стр. 79.

3) *Лекціи*, 1903, стр. 75.

4) «Слова Григорія Богослова» XI в., кстати сказать, почти навѣрное писаны въ Червоной Руси. Срв. мою «Украинскую грамматику», § 6.

5) «Пам'ятки українсько-руської мови і літератури», т. IV (Львів 1906), стр. 275, 285.

6) «Пам'ятки», т. IV, стр. 84.

грамотѣ князя Льва Галицкаго Лавровскому монастырю якобы 1448 года, поддѣланной не позже 1448 года¹⁾). Буква *A* въ имени «Анисимъ» (и притомъ въ специально-малорусской формѣ «Ганус», съ несомнѣннымъ ударениемъ на *A*) есть естественное общемалорусское начертаніе и встрѣчается по памятникамъ очень часто, будуть ли это памятники киевскіе (срв. купчую грамоту Станислава Ганусовича ок. 1467 г., бывшаго ок. 1471 года киевскимъ воеводой²⁾), или будуть ли это памятники западно-малорусскіе (срв. пана Шимка Ганусовича въ ровенской волынской грамотѣ 1488 г., внесенной въ Луцкую крѣдитную книгу 1569 г. № 2043, л. 81). Что касается XVI вѣка, то букву *A* въ этихъ именахъ мы легко можемъ найти не только въ помянникахъ киевскихъ монастырей, но и въ помянникахъ западно-малорусскихъ. Срв. начертаніе «Аксенія» на первомъ же листѣ помянника при галицкомъ Язловецкомъ Евангеліи XVI вѣка, хранящемся теперь въ Волынскомъ епарх. музѣѣ³⁾). Ту же особенность этихъ именъ мы наблюдаемъ и въ современномъ малорусскомъ языкѣ всѣхъ нарѣчий: и теперь эти имена начинаются то съ *O*, то съ *A*. Всегда ли преобладаетъ въ нихъ *O*, сказать трудно. Конечно, форму «Онисько» мы встрѣчаемъ несравненно чаще, чѣмъ торжественное «Анисимъ», и даже, чаще, чѣмъ простое неторжественное «Ганус», но «Арехвір» не болѣе рѣдко, чѣмъ и «Олехвір»; «Авдотя» едва ли можетъ считаться болѣе рѣдкимъ именемъ, чѣмъ «Вівдя» (изъ «Овьдя»); если «Аксенія» не столь обычно, какъ «Оксана», то производная фамилия «Аксюк» (=сынъ Ксении) слы-

1) Въ 1448 году эта грамота была ужъ подтверждена королемъ Казимиромъ. Списокъ имѣется въ Румянцовскомъ музѣѣ, № 68 л. 5.

2) См. коллекцію Румянцовского музея, № 68, л. 5.

3) Какъ этотъ галицкій помянникъ, такъ и другіе старинныя зап.-ир. помянники вообще изобилуютъ и другими тѣми же формами личныхъ именъ, которыя г. Соболевскій отмѣчаетъ въ помянникахъ киевскихъ въ качествѣ, яко бы, великоруссизмовъ. Тутъ же на 1-ой стр. Язловецкаго помянника г. Соболевскій могъ бы найти и «Парасковію» (а въ дарственной записи послѣ л. 15 даже «Парасковею»), и «Еремея» и т. п. формы, которыя онъ считаетъ антималорусскими. Послѣднее имя (Еремей) встрѣчается, кстати сказать, и въ буковинской грамотѣ 1442 и 1444 года. (=Улан. № 56 и № 58).

шится теперь вездѣ только съ *A*, поскольку я могъ это прослѣдить¹⁾; фамилія «Оксаненко» чередуется съ «Аксаненко» (срв. газету «Рада» 1906, № 66, стр. 3; № 67, стр. 3).

Итакъ о немалорусскости этихъ именъ (съ начальнымъ *A*) не можетъ быть и рѣчи. Но для исторіи малорусского языка вообще, и киевскаго нарѣчія въ частности, можетъ быть не лишнимъ обсужденіе причинъ, вызвавшихъ здѣсь появление звука *A*. Фонетически или не фонетически онъ здѣсь развилъ?

Быть можетъ, отчасти дѣйствовали тутъ и нѣкоторые законы фонетические. По поводу возникновенія формы «Аксенія» вмѣсто «Ксенія» можно вспомнить, что малорусскому языку вѣдь присущъ эвфонический протезисъ *A*,—положимъ, гораздо менѣе обычный, чѣмъ протезисъ *O* и *I*, но все же констатируемый; срв. галицк. «аврукати» (=тотно ворковать) вмѣсто «врукати». Въ параллель къ старинной передѣлкѣ «Элевоерія» въ «Алиферія» и въ «Арехвіра» и «Онисима» въ «Анісима» и «Гануса» можно вспомнить нынѣшнее малорусское вульгарное произношеніе «агоїзмъ» (чит. «ahojizm») вмѣсто «эгоизмъ» и систематическое произношеніе «Адѣс» вмѣсто «Одесса».

Повидимому, однако, главной причиной появленія звука *A* въ именахъ вышеотмѣченного типа были вліянія нефонетическихъ: аналогія другихъ именъ. Мы знаемъ, что греческія имена, начинавшіяся съ *A* (напр. Ἀλέξανδρος), переходили на Русь какъ въ книжно-церковной формѣ «Александъ», такъ и въ болѣе народной формѣ «Олександъ»; срв. въ киевскомъ Изборнику 1073 г.: «Ольксандъ Македонъ» (л. 258 а, наряду съ «Александъ»). Обѣ формы такихъ именъ одинаково усвоивались древними русинами, и тѣ пріучались къ мысли, что каждое подобное имя можетъ одновременно имѣть *два* вида: и болѣе «про-

1) Въ фамиліи «Оксеновичъ», напротивъ, повидимому, всецѣло возобладалъ звукъ *O*. Съ буквою *O* пишется эта фамилія и въ киевскихъ памятникахъ XVII в. (извѣстенъ ректоръ киевской Могилянскай коллегіи Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ, ученикъ Петра Могилы).

стую» форму—съ начальнымъ *O*, и болѣе торжественную, болѣе «правильную» форму—съ начальнымъ *A*. Такое свое воззрѣніе о «правильности» начального *A* и о вульгарности начального *O* они невольно примѣняли и ко всѣмъ прочимъ именамъ съ начальнымъ *O*, каково бы ужъ ни было происхожденіе того зачиннаго *O*. Этимъ проще всего и объясняется то обстоятельство, что «Ксенія» (*Ξενία*), обратившись на древнерусской почвѣ сперва въ «Оксенію» (съ эвфоническимъ протезисомъ *O*), немедленно пріобрѣла себѣ и параллельную, якобы «правильную» форму: «Аксенія»; по той же причинѣ къ формѣ «Ов[в]дотья» (*Ευδοχία*) была создана параллельная мнимо-правильная форма «Авдотья». Въ особенности трудно было устоять отъ образованія подобной лженправильной «акающей» формы тогда, когда святцы содержали въ себѣ сверхъ какого-нибудь имени, писавшагося съ *O*, подобозвучное другое имя, писавшееся (вполнѣ этимологически) съ *A*. Такъ, въ женскомъ имени «Анисія» начальное *A*—этимологически вполнѣ правильно (происходить оно отъ греческаго глагола *ἀνύω*, == «совершаю» откуда существительное *ἀνυστις*), а между тѣмъ это имя въ высшей степени напрашивается на то, чтобы его сочли за женскій родъ отъ «Онисимъ» (греч. *Ονύσιμος*, отъ глагола *ονύμημι*) и чтобы Онисима обратили въ Анисима,—равно какъ Онисифора въ Анисифора. Возможно даже, что звукъ *A* въ имени Анисимъ появился еще на почвѣ греческой, гдѣ нарицательныя прилагательныя разныхъ корней, но одинакового значенія,—«*όνυστιμος*» и «*ἀνυστιμος*» (=пригодный),—смѣшились въ живомъ словоупотребленіи грековъ¹⁾.—Къ тому же звукъ *A* въ имени «Анисимъ» (оно же «Ганус», съ удареніемъ на *Gā*) долженъ былъ укрѣпиться у малоруссовъ не безъ вліянія имени прянаго растенія *Anysum stellatum*, которое по-руссски называется «анись», по-малоруссски «ганус», и изъ которого до-

1) Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этой догадки можетъ служить довольно обычна православно-арабская форма أنيسيموس (чит. «Анісімوس») этого имени, усвоеннааго арабами отъ православныхъ грековъ. Другая арабская форма—أونیسیموس (чит. Onіsіmос).

нынѣ приготавляется знаменитая «ганускѣвъ горілка» (=анисовка).—Въ имени «Анисифоръ» (по-простонародному «Анци́перъ») звукъ *A* могъ у малоруссовъ укрѣпиться еще по одной добавочной причинѣ. Въ вульгарномъ произношениѣ первоначально-правильная форма имени «Онисифоръ» изстари обратилась въ «Ониципоръ» (срв., напр., въ Скиргайловой грамотѣ 1390 года¹⁾),—и вотъ эту начальную половину имени: «Оници....» малоруссы смыслали съ тѣмъ начальнымъ «Анци», которое у нихъ звучало и звучить въ цѣломъ рядѣ словъ (срв. «санцихристъ»=антихристъ, «санциболотъ»=болотный духъ).—Имя «Арехвіръ» (обратимъ вниманіе на присутствіе звука *r* послѣ *A*), параллельное съ «Орехвіръ» и съ «Олехвіръ», возникло, надо полагать, не безъ вліянія имени «Ареѳа» (*Аρέθας*), слишкомъ достопамятнаго для южноруссовъ по Печерскому Патерику²⁾). А ужъ и подавно могъ вспомнить чернеца Ареѳа и букву *A* въ его имени тотъ кievскій *чернецъ* XVI вѣка, который внесъ въ помянникъ имя «Алеѳерия зъ Остря». Разумѣется, однако, что онъ могъ бы это сдѣлать и помимо вліянія аналогіи имени «Ареѳа»: просто, привыкнувши обращать на письмѣ каждого просто «Олексу» въ торжественнаго «Алексія» и каждого простого «Олександра» въ торжественнаго «Александра», могъ онъ и «Олехвіра» записать въ священный помянникъ «Алеѳеремъ», или «Алеѳеріемъ», даже въ томъ случаѣ, если опъ самъ въ началѣ этого имени произносилъ не звукъ *A* (какъ другіе малоруссы), по звукъ *O*.

Впрочемъ, какъ бы ни объяснять, фонетически или нефонетически, присутствіе звука *A* въ именахъ «Авдотья», «Аксенія» и пр.,—остается непоколебимымъ тотъ фактъ, что ихъ зачинное *A* не стоитъ ни въ какой связи съ великорусскимъ или бѣлорусскимъ «аканьемъ» и вполнѣ присуще малорусскому языку, въ томъ числѣ галицкимъ и волынскимъ говорамъ.

1) Изд. въ «Актахъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи» (СПБ. 1868), т. I, стр. 2.

2) См. Киево-Печ. Патерикъ по изд. Яковлева, стр. 107 и слѣд.

VIII.

Мы разсмотрѣли всѣ аргументы г. Соболевскаго, сколько-нибудь носящіе характеръ новизны. Это разсмотрѣніе лишній разъ подтвердило, что старо-кіевскій говоръ есть прямой предокъ нынѣшней малорусской рѣчи съверной и средней Кіевщины и Черниговщины съ прилегающими частями Полѣсъя.

А. Крымскій.

Звенигородка, Кіевской губерніи
27 апрѣля 1906 года.

Помѣщая статью А. Е. Крымскаго, касающуюся одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи русской народности, мы надѣемся, что почтенный товарищъ нашъ А. И. Соболевскій, своими «Очерками изъ исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1884) пролившій яркій свѣтъ на исторію языка малорусскаго, дастъ намъ возможность напечатать тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ настоящее время относительно говоровъ тѣхъ древнерусскихъ племенъ, которыя жили въ предѣлахъ нынѣшней малорусской територіи.

Ред.